

З А Р У Б Е Ж Н Ы Й Д Е Т Е К Т И В

ЧЕРНАЯ БЕТТИ

«Черный» детектив
с Голливудских холмов
в эстетике нуара

УОЛТЕР МОСЛИ

Изи Роулинз

Уолтер Мосли
Черная Бетти

ООО «ГЕРМЕС БУКС»

1994

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

Мосли У.

Черная Бетти / У. Мосли — ООО «ГЕРМЕС БУКС»,
1994 — (Изи Роулинз)

ISBN 978-5-9524-6717-0

Лос-Анджелес, начало 1960-х. Детектив Изи Роулинз берется за новое дело – за солидное вознаграждение он должен разыскать женщину из черных кварталов, исчезновение которой странным образом совпало со смертью коррумпированного миллионера, в доме которого та работала. Раскрывая мрачные тайны прошлого, Изи оказывается в самом эпицентре межэтнического конфликта и сталкивается с противодействием как со стороны полиции, так и со стороны преступных группировок Города ангелов.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-9524-6717-0

© Мосли У., 1994
© ООО «ГЕРМЕС БУКС», 1994

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Уолтер Мосли

Черная Бетти

*Этот роман посвящается памяти моего отца, скончавшегося в
первый день Нового, 1993 года.*

Я тоскую по тебе, папа.

Copyright © 1994 by Walter Mosley

© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026

© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс», 2026

Они стояли под ярким уличным фонарем в переулке за баром Джона. Огромный и сильный Бруно Ингрэм, по прозвищу Большая Рука, обладавший способностью нагонять страх на окружающих, даже когда просто стоял на месте. Отливающий серебром костюм на мужчине пониже ростом был хорошо подогнан по фигуре. Я знал, костюм – импортный, из Италии. Укрывшись за дверью, я слушал их болтовню. Они меня не видели.

– Доджер проиграл, – говорил Крыса, тот, что поменьше ростом. Я отчетливо слышал его голос. – Ты мне должен двадцать пять центов.

С улицы донесся еще один голос, судя по всему, какого-то парня, поторапливающего свою спутницу:

– Ну, пойдем же, Сью.

– Да, Альфред, – ответила женщина и что-то добавила, но я не расслышал.

Потом загудел бас Бруно.

– Пошел прочь с моих глаз, мать твою так-то.

Я насторожился, и меня охватил первобытный страх.

– Накось – выкуси.

Мне хотелось крикнуть, что он сказал это просто так, но я не мог выдавить из себя ни звука. Крыса с размаха врезал Бруно в грудь и, за счет этого оттолкнувшись, отлетел назад и выхватил свой длинноствольный пистолет 41-го калибра.

Высокомерная усмешка Бруно сменилась наивным изумлением восьмилетнего юнца: он что-то сделал не так? Толчок от первого выстрела отбросил его на четыре шага назад, огромные ручки метнулись вперед, как у лунатика из мультфильма. Ему хотелось упасть, прижаться к земле и таким образом избежать пуль, но Крыса продолжал нажимать на курок снова и снова, пока Бруно не уткнулся спиной в дверь мясной лавки.

Страшный вопль заставил меня ринуться внутрь дома и захлопнуть за собой дверь.

Глава 1

Я вздрогнул и проснулся почти в полной темноте, не понимая, где нахожусь. Матрас показался мне непривычно мягким. Я потянулся за часами, но ночного столика рядом не оказалось, и чуть не свалился на пол. Потом вспомнил: в доме было невыносимо душно, а мои ребята, Джезус и Физер, забрали единственный исправный вентилятор к себе в комнату, и когда я проснулся в два часа утра весь мокрый от пота, то решил искать спасения на затынутом сеткой крыльце.

Я сел, пытаюсь отогнать от себя кошмар. С тех пор, как погиб Бруно, прошло почти пять лет, но ту кровавую сцену я видел во сне, по крайней мере, раз в месяц, а в последнее время и чаще. Никогда не забуду, как мой лучший друг пригвоздил его к двери мясной лавки.

Я пытался думать о чем-нибудь более приятном. О нашем новом молодом президенте ирландского происхождения и о Мартине Лютере Кинге. О том, как меняется мир и черный в Америке впервые за сотни лет получил возможность стать просто человеком, вне зависимости от цвета кожи. Но этот самый мир почти ежедневно будоражат подземные ядерные взрывы и угроза войны.

На другом конце города умирал мой друг Мартин Смит. Он был для меня главным наставником в жизни. Я понимал, что надо проведать его и попрощаться, но все откладывал и откладывал.

И, ко всему прочему, задул этот горячий сентябрьский ветер, мешающий спать. Жара становилась нестерпимой, вконец изнулив меня.

Я мечтал обрести силы, а обрел лишь уверенность в том, что жизнь обходит меня стороной, оставляя мне и мне подобным либо самим умирать, либо убивать других в темных переулках.

Полоска утренней зари осветила верхушки домов на другой стороне улицы. Возможно, грядущий день окажется для некоторых более благоприятным, но не для всех. Бруно лежал в могиле уже почти пять лет, а Крыса томился за убийство в тюрьме штата в Чино. Я тоже оказался в некоем подобии тюрьмы, заточенный в осознании моей вины, в собственной памяти.

Кто-то окликнул меня:

– Мистер Роулинз?

Моя рука автоматически потянулась к пистолету в ящике ночного столика. Но я находился не у себя в спальне, а сидел в темноте на террасе, совсем голый, не прикрывшись даже простыней. Я схватил керамическую пепельницу, которую смастерил для меня в летнем лагере Джезус.

– Кто это? – спросил я как можно более спокойно. Судя по силуэту, обозначившемуся на дверной сетке, это был мужчина – примерно пяти футов и шести дюймов или шести футов и пяти дюймов. Подняв с пола простыню, я прикрылся спереди.

– Сол Линкс, мистер Роулинз. – Белый человек, подумал я. – С вами можно переговорить?

– О чем? – Я сжал комок засохшей глины с такой силой, что он треснул у меня в руке.

– Знаю, что сейчас очень рано, – продолжал белый человек. – Но мне необходимо поговорить с вами. Вашу фамилию мне назвали вчера вечером, но было уже поздно навещать вас. Я решил прийти сюда, чтобы удостовериться в правильности адреса и дожждаться на улице утра, но, подойдя к дому, услышал, что вы разговариваете во сне. И тогда окликнул вас.

– В таком случае почему бы вам сейчас не убраться отсюда к черту и не позвонить мне, когда наступит утро? – Моя рука, державшая пепельницу, напряглась до такой степени, что если бы я швырнул ее в нежданного визитера, то она непременно, прорвав сетку, достигла бы цели. Дотронься он до запора на двери, превратился бы в труп.

Но он не стал рисковать.

– А пришел я, чтобы предложить вам работу. Но за нее надо приниматься уже сегодня, прямо с утра. Не могли бы вы включить какой-нибудь свет?

Мне не хотелось показываться ему без одежды. Словно все это происходило во сне и мне угрожала опасность, если кто-нибудь увидит меня в чем мать родила. Я предпочитал оставаться невидимым, хотя давно понял, что негоже прятаться в своем собственном доме, надо смело встречать любого незваного гостя. Я обмотался простыней, как африканец, и подошел к выключателю возле двери, чтобы зажечь лампочку на крыльце. Однако тусклый свет все равно не позволял как следует разглядеть стоявшего на улице мистера Линкса.

– Можно мне войти? – спросил тот.

– Ладно, входите.

Это был невысокий мужчина, единственная достопримечательность которого – огромный бесформенный нос. Если бы вы забыли фамилию этого человека, то достаточно было бы сказать: «Знаете, этаким малый с рубильником». На нем был светло-коричневый хлопчатобумажный костюм со слабо завязанным коричневым галстуком, белая рубашка, подчеркивавшая бледность лица, на голове – коричневая кепка. Зеленые глаза блестели.

Сол Линкс улыбнулся и вздернул голову, но я не пожал протянутую мне руку. Он смотрел на пепельницу.

– Вам это не понадобится. Не порицаю вас за то, что спите не в доме, а на крыльце. В летнее время в Бронксе, в бытность мою ребенком, я больше времени проводил на пожарной лестнице, чем в квартире.

– Какое у вас дело ко мне, приятель? – У меня не хватало терпения слушать его болтовню.

– Я уже сказал. У меня есть для вас работа. Пропала женщина, и мой клиент хочет поскорее ее найти.

Ночная тьма на Женези-авеню постепенно рассеивалась. Уже можно было различить кроны больших деревьев на другой стороне улицы и аккуратные небольшие лужайки моих соседей.

– Не могли бы мы присесть?

– Выкладывайте, что хотите сказать, приятель, а потом убирайтесь. – В доме находились мои дети, и я не хотел, чтобы этот незнакомец здесь рassiживался.

Сол Линкс улыбнулся, и его улыбка была сродни той, которой служащий похоронного бюро одаривает каждого своего клиента-покойника.

– Вы слышали когда-нибудь о женщине по имени Элизабет Иди?

Это имя мрачным отзвуком всплыло в моем сознании. Под стать этой влажной сентябрьской жаре и моим снам.

– Она из Хьюстона, но прожила в Лос-Анджелесе почти двадцать пять лет. Думаю, из вашего прежнего микрорайона. У меня имеется только эта фотография. – Линкс протянул мне старую любительскую поблекшую от времени фотографию. Снимок не портретный, скорее моментальное фото. Молодая женщина на крыльце небольшого дома. В момент съемки она улыбалась, неуклюже облокотившись о дверную притолоку. Высокая, с широкой костью, очень черная, что отчетливо просматривалось даже на блеклой фотографии. Рот полуоткрыт, она словно флиртвала с фотографом. Это создавало впечатление интимности, а такое удается заснять не каждому фотографу-любителю. Однако не было в этой интимности теплоты. Черная Бетти не принадлежала к числу уютных, домашних женщин, она была сродни большой акуле. Она несла гибель мужчинам.

Если бы ваш приятель стал ухаживать за Бетти, то вам оставалось бы только посочувствовать ему, заведомо обреченному на несчастье. Было в ней что-то такое, от чего мужчины бесились. И она щедро одаривала их своими прелестями. Достаточно какому-нибудь мужчине угостить ее ужином или выпивкой, и она охотно отдастся ему, готовая провести с ним поне-

дельник, вторник, среду и четверг. Словом, сутки напролет. Хотя при этом не из тех, кто сидит дома, а потому с наступлением пятницы, когда карманы дружка пустели, Бетти исчезала. Все просто: после заката Бетти и Марлон (она считала его почти что братом) окунались в ночную жизнь. И если денег не было у одного мужчины, они находились у другого, и тот охотно платил за удовольствие.

В те времена не так много цветных мужчин могли позволить себе долго наслаждаться Бетти. Часто по ночам вчерашние ухажеры нападали на сегодняшних ее поклонников. Три раза в неделю из-за Бетти возникали кровавые потасовки, но если это как-то и затрагивало ее, то она никогда не подавала вида.

Когда-то я – двенадцатилетний неотесанный подросток – видел, как она фланирует по деревянным тротуарам Пятого района Хьюстона. Потрясная женщина, таких я прежде никогда не видел. В черных кружевах, перчатках и мехах. И от нее исходил такой волшебный аромат, что я забывал, где нахожусь. Происходило это перед баром «Корчеран», на улице Бленфорд. Уверен, что у меня, наверное, раздувались ноздри, когда я, опешив, уставился на нее.

А она спросила:

– Куда ты смотришь, мальчик?

– На вас, мадам.

– Я тебе нравлюсь?

Я сглотнул.

– Угу, да, мэм. Вы, пожалуй, самая красивая на свете.

– Пожалуй?

Я был сокрушен, раздавлен. Мне следовало сказать «самая красивая». Она и была самая красивая. Я разом лишился шанса еще хоть однажды удостоиться ее внимания.

– Пошли, дорогуша, – позвал ее спутник.

Бетти его не послушала. Подошла и поцеловала меня. Прямо в губы. Даже высунула язычок, но я не успел вовремя приоткрыть рот. Когда она отошла, я упал на землю, потому что думал, что она обнимет меня. Но она этого не сделала.

Все мужчины, находившиеся поблизости, смеялись надо мной. А Бетти не смеялась. Ее растрогала моя реакция на поцелуй. Я готов был пасть перед ней на колени. Выпрыгнуть из окна за этот поцелуй.

До меня донесся голос Линкса:

– Вы знаете ее, мистер Роулинз?

Пока я рассматривал фотографию, наступил рассвет. Мимо проехала машина, из которой на мою и соседнюю лужайки бросили газеты. Почти сразу из своего дома выскочила тощая белая женщина, чтобы забрать газету. Миссис Горн страдала бессонницей и, похоже, давно ждала момента, чтобы дорваться, наконец, до новостей.

– Я ее не помню, – ответил я.

– Нуууу, – протянул он и сделал порядочную паузу, будто колебался, стоит ли мне верить. – В общем-то, это не имеет значения. Вы славитесь умением отыскивать людей в цветном квартале. Поэтому мы и обратились к вам.

– Кто это «мы»?

– Я единственный, с кем вам придется иметь дело.

– Что она натворила?

– Насколько мне известно, ничего. Почти все время, что находилась здесь, она работала у одной женщины. Но что-то случилось. Мисс Иди исчезла, а ее хозяйка хочет, чтобы она вернулась. – Сол Линкс улыбнулся и любовно погладил нос. – Она не оставила своего нового адреса, а в телефонном справочнике не значится имя Элизабет Иди.

– У кого она работала?

– Не могу этого сказать.

– Угу. – И сколько вы готовы заплатить за то, чтобы ее найти?

– Двести долларов прямо сейчас и еще двести, когда вы ее найдете. – Он потыкал в меня своим крошечным пальчиком. – Но все надо проверить оперативно. Насколько я понимаю, оплачивающая расходы женщина желает как можно скорее отыскать мисс Иди.

– Ну, и насколько же вы понимаете?

– Видите ли, с женщиной я практически не знаком. Она вышла на меня через своего адвоката. – Он достал из кармана брюк небольшую пачку купюр, протянул их мне и пояснил: – Вот задаток двести долларов.

Это было больше суммы, оставшейся у меня на счете в банке. Когда-то я купался в доходах от сдачи в аренду принадлежащих мне квартир, приобретенных на шальные деньги, которые свалились на меня в 1948 году. С тех пор я здорово поиздержался, ввязавшись в операции с недвижимостью. Практически разорился. У меня даже не было собственного дома. Приходилось снимать жилье. Три раза в неделю мы ели на обед бобы с рисом.

Я поставил на стол пепельницу и взял банкноты, слегка отсыревшие у него в брюках.

– Могу попробовать, – неопределенно пробормотал я. – Но прежде мне необходимо самому переговорить с адвокатом. Как, вы сказали, его зовут?

– Мы вернемся к этому вопросу, когда вы найдете Иди. Но я сообщу ему о вашем желании встретиться с ним. – Линксу было абсолютно наплевать на мои пожелания. – Как ему с вами связаться?

Я назвал номер своего телефона. Мистер Линкс относился к числу тех людей, которые не делают записей.

– Как вы нашли меня, мистер Линкс? Моего адреса нет в справочниках.

– Вы знаменитый человек, мистер Роулинз.

И он достал из бокового кармана потрескавшийся кожаный бумажник, а из него – замусоленную, в пятнах, визитную карточку, тоже отсыревшую. На ней значился номер телефона и адрес на Венис-Бич. Как ни странно, ни имени, ни фамилии указано не было.

– Это – Л-и-н-к-с. Позвоните мне, когда что-нибудь обнаружите. Не мешкая.

– Откуда вы знаете, что я не присвою себе эти деньги, а потом скажу, что вы их мне задолжали?

Сол Линкс посмотрел на меня в упор, благодушная улыбка слетела с его лица.

– Я могу ошибаться, но готов поклясться, что вы – человек слова, мистер Роулинз. К тому же есть возможность заработать еще двести долларов.

– Ну, может быть, и так. А как вы думаете, я смогу отыскать некую женщину среди населения в два с половиной миллиона человек? Вы должны хоть что-нибудь рассказать мне о ней.

Я уже знал, как займусь поисками Бетти, но мне было интересно, что известно о ней этому белому человеку. Он догадался о моей уловке. На его губах заиграла улыбка – некое подобие уважения.

– Простите, мистер Роулинз, мне известно только одно: у нее водятся друзья в негритянской среде. Может быть, кто-нибудь из ваших знакомых опознает ее по фотографии.

Я бы вернул ему деньги, но меня осенила догадка. По поводу того, как он меня разыскал. И непреодолимое желание увидеть Бетти теперь, когда я стал зрелым мужчиной.

– Мы звякнем вам, – пообещал я.

Линкс прикоснулся ко лбу в шутливо-приятельском приветствии.

– Но не забудьте. Жду результатов как можно скорее.

Он улыбнулся и вышел. Я смотрел, как он садится в удивительно маленький автомобиль ржаво-коричневого цвета. Какой-то иностранной марки. Я так и не понял, какой именно. Когда он отъехал, миссис Горн вышла из дома. По-моему, из любопытства. Увидев, что я стою на улице чуть ли не голый, она побледнела еще больше. Не знаю уж, чего она там себе надумала. Я улыбнулся и окликнул ее, но она поспешно убралась в свой дом.

Я подобрал свою газету и просмотрел заголовки. Россия только что произвела ядерный взрыв. Третий в этом месяце.

Глава 2

Несмотря на раннее утро, в доме было жарко, и у меня от обезвоживания слегка кружилась голова. Я знал о существовании этого захудалого сыщика, но он представлялся мне не вполне реальным, как сны об убийстве Бруно.

Детишки еще спали в комнате Джезуса. Я набросил халат и погрузился в чтение «Гекльберри Финна», которого приобрел в книжном магазине Санта-Моники. Некоторые либеральные библиотеки, да и школьная система, стремились запретить эту книжку из-за ее расового содержания. Либерально настроенные белые и черные пытались вытравить расизм из памяти народов мира. Я приветствовал это, хотя мне книга запомнилась не только проявлениями расизма, описанными в ней. Достаточно вспомнить сцены на реке, там Джим и Гек предстают истинными друзьями. Я и сам мог бы оказаться одним из них.

До того, как обрел дом в Хьюстоне, я был беспризорником, катавшимся зайцем на поездах. Ни матери, ни отца. Просто кое-какая одежда, чтобы скрыть наготу, и на десять центов меньше, чем требовалось, чтобы выжить.

Усевшись возле окна, я читал при мягком утреннем свете, окунувшись в атмосферу мошенников, преступников и невежественных людей. Мистер Клеменс знал, что все люди невежественны, и не боялся заявить об этом.

Прочитав сто страниц, я не охладел к книге, просто решил позавтракать. Обычная пища – овсяная каша, яичница с ветчиной. Плюс кофе для меня. Я знал, что ароматы из кухни разбудят Джезуса, а он, в свою очередь, разбудит Физер, которая спала на маленькой кровати в изножье его кровати. Пока готовится завтрак, они успеют умыться и одеться.

Такой ритм мне нравился даже больше, чем хорошая музыка. Я с удовольствием потратил бы всю жизнь, наблюдая, как растут дети. Хотя между нами не было кровного родства, я любил их до боли.

Похоже, я приобретал детей в процессе работы, оказывая людям «услуги». Отобрал Джезуса у проститутки, ему тогда не было и трех лет. Настиг убийцу белой матери Физер. Убийцей оказался дед Физер, прикончивший дочь за то, что та родила черного ребенка.

– Привет, папа! – крикнула Физер.

Она обрадовалась, увидев меня, бросилась ко мне, уткнувшись носом в мое колено, и заплакала. Я взял ее на руки. Джезус проскользнул в комнату тихо и незаметно, как туман. Для пятнадцати лет он был мал ростом, худенький, но вполне уверенный в себе. Стал звездой в беге на длинные дистанции в средней школе Гамильтона. Мне он просто молча улыбнулся.

За тринадцать лет, что я его знаю, Джезус практически ни разу ничего не сказал мне. Иногда писал записки. Обычно они касались денег на те или иные его нужды или мероприятия в школе, на которых мне следовало присутствовать. Доктора говорили, что он здоров и способен говорить, если захочет. Оставалось только ждать.

Джезус занялся завтраком, а я нашептывал что-то Физер, прижимая ее к себе.

– Мне больно, – пискнула она.

– Что ты хочешь на завтрак, ореховую пасту или салями?

У нее была светло-коричневая, лоснящаяся кожа. Она уперлась животиком мне в грудь. По ее лицу я понял, что она выбирает: заплакать или бежать к столу.

– Пусти меня, пусти меня, – затараторила она, выскальзывая из моих рук. Едва она вскарабкалась на свое место, сооруженное из стопки телефонных справочников, Джезус положил перед ней ломоть хлеба, намазанный клубничным джемом. – Я видела сон, – сообщила Физер и отсутствующим взглядом уставилась в пространство. Ее янтарные глазки и курчавые золоти-

стые волосы сияли в солнечном свете, лившемся через окно кухни. – Я видела сон, мне приснилось, – продолжала она, – вчера вечером у нас в доме был страшный человек.

– Что за человек?

Она вытянула ручонки и вытаращила глаза, чтобы объяснить что-то, неизвестное ей.

– Я его не видела. Я его просто слышала.

– Какой же у него был голос?

– Как у крокодила из книжки про Питера Пэна.

– Похожий на часы?

Джезус постучал костяшками пальцев по столу, подражая врагу капитана Крюка. Физер рассмеялась так весело, что уронила намазанный ломоть хлеба на пол.

– Смотри, что ты наделала! – воскликнул я. И тут же пожалел об этом. На лице Физер отразился ужас, брызнули слезы. Джезус напрягся, как перед забегом. Возможно, когда он бежал, то думал о том, чтобы удрать от злых людей.

Физер плакала негромко, подвывая. Так звучит противоздушная сирена вначале. Я взял ее на руки, обнял.

– Прости, сладкая, но эта проклятая жара порой просто сводит меня с ума, хотя и не стоит ей поддаваться.

Ее подбородок по-прежнему вздрагивал. Джезус намазал еще один ломоть хлеба, вытер джем с пола. Я посадил Физер на ее место.

– Папе ударило в голову, – пропищала Физер и прыснула со смеху.

Пока дети надевали ботинки, я приготовил им с собой в школу бутерброды.

– Сегодня с утра у меня дела, Джуйс.

Так прозвали Джезуса ребята в школе. Потому что никому, кроме мексиканцев, не нравилось, когда кого-либо называли именем Господа – Иисус.

– Я хочу, чтобы ты сегодня отвел Физер в школу.

– Н-е-е-т, – заныла Физер. Ей нравилось кататься со мной на машине.

Джезус кивнул, и мне подумалось: вот сейчас он скажет «да». Но я знал, что это всего лишь мое благое пожелание.

Надежда – самая распространенная форма мечтаний.

Я потрепал сына по волосам и направился к себе в комнату, чтобы одеться для работы.

Дом был все таким же. Огромные окна по обе стороны парадной двери. На верхней ступеньке лениво сидела старая собака. Когда я приезжал к Оделлу последний раз, эта собака была еще щенком. Вдоль забора посадили бугенвиллеи, лужайка заросла сорняками. Оделл Джонс не любил подрезать траву, поэтому та пребывала в запущенном состоянии. Среди сорняков высились танжеловые¹ деревья с наливающимися плодами. Фасад дома украшало большое каменное крыльцо с деревянными колоннами.

Внутренняя дверь была открыта, наружная, сетчатая, – закрыта. Я увидел затылок Оделла, сидевшего в кресле спиной к двери.

– Привет, Оделл. Это я, Изи.

Поначалу Оделл даже не пошевелился. Однако секунд этак через тридцать перевернул страницу газеты и продолжал читать.

– Изи, – раздался голос у меня за спиной.

Мод, жена Оделла, оказывается, возилась где-то в саду, и ее не было видно. Теперь она стояла передо мной. На голове у нее был розовый козырек, в руке – грязный садовый совок. На губах играла улыбка, в глазах застыло беспокойство.

– Привет, Мод. Я как раз стучался.

¹ Танжело – гибрид мандарина и грейпфрута.

– Оделл дома, но в последнее время стал плохо слышать, – солгала она. Мы оба знали, что он вполне мог слышать меня. Дело в том, что много лет назад, после того, как однажды оказал мне услугу, он перестал со мной дружить.

Мне хотелось связаться с кем-то через преподобного Тауна, священника первой Африканской баптистской церкви. Оделл познакомил меня с ним, вскоре тот найден мертвым со спущенными ниже колен штанами, с ним рядом лежал труп одной из его прихожанок. Оделл тогда обвинил меня, и я не стал с ним спорить. Ситуация казалась очень сложной, и я не мог отрицать, что отчасти повинен в случившемся.

– Чем я могу быть полезен тебе, Изи?

– Почему вы направили ко мне домой этого типа?

– Какого типа?

– Перестань, Модрия. Зачем играть со мной в прятки?

У жены Оделла были широкие бедра и очень узкие плечики. Когда она пожимала этими плечиками, становилась похожа на перекормленную розовоглазую лягушку.

– Не знаю, о чем ты говоришь, Изи.

– Тогда я буду продолжать стучать вот в эту дверь до тех пор, пока Оделл не объяснится. – И я вознамерился сделать это, но, несмотря на крупную комплекцию, Мод довольно резво подскочила к двери.

– Оставь его сейчас в покое, Изи. Ты же знаешь, как он переживает из-за размолвки с тобой. – Она взяла меня за руку и потянула вниз по лестнице.

– Ему никто не мешает общаться со мной.

– Не знаю, что там у вас произошло. Оделл не посвящает меня в это. Я говорила ему, что бы между вами ни случилось, друзья так не поступают, а вы ведь друзья.

Я тогда перестал общаться со старым другом. Во всяком случае, не разговаривал до сегодняшнего утра.

– Если он не хочет говорить со мной, зачем кого-то посылать ко мне?

– Повторяю, Изи, мы никого к тебе не посылали.

– Нет, посылали. – Я произнес это достаточно громко, чтобы меня было слышно в доме. Я достал фотографию, которую вручил мне Линкс.

– Этот снимок сделан на парадном крыльце Эльбы Томас, а Эльба в то время была девушкой Оделла. И мы с тобой оба знаем, что Бетти – двоюродная сестра Оделла.

Мод сложила ладони в безмолвной мольбе. Оделл подошел к сетчатой двери. Он вел себя так, словно меня здесь и нет вовсе.

– Модрия, ступай в дом и приготовь мне завтрак.

Судя по тому, что в четверг утром Оделл сидит дома в халате, я сообразил, что, видимо, он вышел на пенсию. Он пошел обратно в дом. Мод хотела последовать за ним, но я схватил ее за руку.

– Поговори со мной, Мод. Или я буду торчать тут весь день.

– Я практически ничего не знаю, – отнекивалась она, но я продолжал держать ее за руку, и она добавила: – Этот человек, мистер Линкс, явился вчера вечером и сказал, что разыскивает Элизабет.

– Значит, она все-таки живет здесь?

Мод кивнула.

– Марлон схватил туберкулез, и врачи сказали, что ему будет полезен климат Калифорнии. Они приехали сюда еще до войны, еще до нас. Но мы практически их не видели. Она работала у этой богатой белой женщины и даже не сказала Оделлу, кто эта женщина и где живет. Если бы примерно две недели назад к нам не заехал Марлон, мы бы посчитали, что ее уже нет в живых.

– Зачем приезжал Марлон?

– Сказать, что скоро уедет отсюда. А если Бетти спросит о нем, мы должны говорить, что он уехал неожиданно, но с ним все в порядке и он свяжется с ней.

– Почему он сам не мог сказать ей этого?

– Не знаю. – Невежество было добродетелью, которую Мод впитала с молоком матери.

– Что еще сообщил Марлон?

– Ничего. Мы просто пили лимонад и болтали. Сказал, что, как и Оделл, вышел на пенсию.

– Вышел на пенсию? От каких дел?

– Он не уточнил.

– Что хотел Линкс?

– Он сказал, что Бетти бросила работу, а хозяйка хочет ее вернуть. Еще сказал, что заплатит пятьдесят долларов за любую информацию о ней. Оделл дал ему этот снимок, но сказал, что мы не знаем, где она находится. Тогда Линкс заявил, что это очень скверно, и она, возможно, потеряет права на пенсию от богатой семьи. Дескать, годы берут свое, ей это выйдет боком. Ха! Об этом мог и не говорить. Пятьдесят долларов нам самим пригодятся. Вот тут-то мы и вспомнили о тебе, Изи. Я сказала, что ты знаешь Бетти с детских лет и, возможно, сумеешь найти ее. Ведь ты, по-моему, иногда занимаешься такими делами. Оделл снабдил его твоим адресом, отыскав его на рождественских открытках, которые ты присылал. Приятно вспомнить, как ты относился к нам, Изи. Знаешь, Оделл часто смотрит твои открытки.

Несколько секунд мы молчали, вспоминая прежнюю дружбу.

– Мистер Линкс добавил, что не скажет, где он раздобыл твой адрес, и горячо нас поблагодарил.

Мод высоко ценила правила хорошего тона.

– Почему Линкс решил обратиться к вам?

– Бетти сообщила наш адрес хозяевам, у которых она работала, так, на всякий случай.

– Куда Марлон направился от вас?

– Не знаю. – Мод опять напомнила лягушку. – Он здорово нервничал и дергался. Хотел, чтобы Оделл ссудил ему немного денег, он как раз вышел на пенсию. Оделл не болен, но какой-то слабый. Если бы я не подрабатывала уборкой домов, мы были бы не в состоянии платить налоги за этот дом.

– Значит, по-твоему, Марлон нездоров?

– Да, но не в такой степени, как Мартин.

Напоминание о Мартине укололо меня. Я держался в стороне от него отчасти потому, что они с Оделлом были хорошими друзьями. Видеть, как Оделл игнорирует меня, и знать, что Мартин умирает, стало для меня слишком тяжелым испытанием.

– Я слышал об этом. Как сейчас у него дела?

– Он кашляет сухим кашлем, у него болит спина, и он не спит уже девять недель. Доктор говорит, это рак, но ведь доктора часто ошибаются.

– После поисков Бетти загляну к нему. Ты не знаешь, как мне его найти?

– Нет, родимый. – Она оглядывалась на дверь дома.

– У него есть кличка, верно? – Я щелкнул пальцами, стараясь припомнить.

Впервые Мод дружески улыбнулась мне:

– Блуто. Его, бывало, называли Блуто.

– Это из мультика о Попи?

– Ага. Именно так его и звали. Марлон получил это прозвище за то, что носил старые ботинки из крокодиловой кожи, которые получил от белого парня за какую-то работу.

Он выиграл их в пари, но белый парень так рассвирепел из-за этого, что выкрасил их в синий цвет перед тем, как отдать Марлону. – Она рассмеялась. – Знаешь, это были сорокадолларовые башмаки, но Марлон все равно носил их. Вот его и прозвали Синие Мыски.

Мы оба рассмеялись. Она изогнула руку, за которую я ее держал, и коснулась пальцами моей руки.

– Изи, постарайся, чтобы с Элизабет ничего не случилось. Оделл ничего не скажет, но я знаю, он хочет, чтобы ты разыскал ее.

– А что с ней может случиться?

Мод тупо уставилась на меня. Я увидел Оделла, молча стоявшего в дверях.

Глава 3

О Марлоне Иди я знал одно: он любил азартные игры. Ставил на лошадей, на цифры или карты – ему было все равно. Поэтому я отправился на его поиски туда, где заключались пари.

Недалеко от улицы Флоренс находились большой продовольственный магазин «Сейфвей» и аптека-закусочная «Трифти». Их парковочные площадки примыкали друг к другу. В десять часов утра народу там было немного. Двое подростков-служащих катили тележки для продуктов от грузовика, который собирал их во всей округе. Водитель развалился за рулем, раскинув отекавшие от пива ноги, небрежно свесив голову в открытое окно дверцы.

– Да, – говорил он старательным паренькам, – перед этим желтым домом на Шестидесят второй улице скопилось сразу пять тележек. Не берусь сказать, сколько их может оказаться за домом. Я посоветовал мистеру Моулу навести с этим какой-то порядок, иначе там окажутся все его тележки.

На водителе были серые хлопчатобумажные брюки и трикотажная водолазка в цвет, что-то вроде рабочей формы. Раньше я никогда его не видел. Он вполне походил на пенсионера.

В 1961 году пенсионер мог работать «неполную неделю», а фактически все сорок часов и оплачивать расход по своему же социальному страхованию.

– Я подумал, что, может быть, вы, ребята, проявите инициативу и съездите туда вместе со мной, – продолжал он. – Едрен корень! Мы наберем еще тележек, и мистер Моул отблагодарит нас.

– Три из них принадлежат Вону, – отозвался один из парнейков, светлокожий, высокий и широкоплечий, похожий на футболиста. – Нам надо отвезти их назад.

– Назад? – Старый водитель покачал головой. Его дряблые черные щеки слегка посветлели от седой щетины. – Дерьмо собачье! Обратно я не повезу. Пусть сами собирают свои тележки. Это дерьмо! Я и десятицентовика не истрочу, чтобы кому-то звонить по поводу их тележек.

– Забудь об этом, Ди-Джей, – сказал другой паренек по имени Спайдер. Такой же чернокожий, как и водитель, только из породы не медведей, а кошек. Уверен, что его отец расстроился бы, увидев, что сын курит. Да, мистер Хоуг в случае чего мог бы наброситься на него, даже с пистолетом, лишь бы его парень вырос порядочным человеком.

Но мистер Хоуг сидел в тюрьме штата за то, что застрелил любовника своей жены Сэма Фикса, который, поговаривают, и был настоящим отцом Спайдера.

– Изи! – воскликнул Спайдер, – как поживаете?

Молодой человек приветственно махнул рукой и ухмыльнулся, неторопливо подходя ко мне. Водитель грузовика встрепенулся и поспешно завел мотор. Ведь, как знать, я мог оказаться знакомым хозяина. Другой паренек направился к магазину.

– Эй, Спайдер!

Несмотря на то что парень уже покурил, я вытряхнул из своей пачки сигарету. Он не отказался.

– Что-нибудь случилось?

– Ты все еще записываешь номера для Вилли?

Спайдер заложил мою сигарету себе за ухо и вынул небольшой блокнот из кармана рубашки.

– Нет, не надо, – остановил я его и оглянулся. Спайдеру всего семнадцать лет. Он не боится угодить в тюрьму. – Мне интересно, знаешь ли ты одного человека.

– Кого?

– Мужчину, пожилого, лет пятидесяти. Зовут Марлон Иди, но мы звали его Блуто.

Услышав кличку, Спайдер вновь усмехнулся:

– Как в мультике?

– Ты его знаешь?

– Нет, Изи. И никто из героев мультиков не покупал у меня номера.

Широкоплечий напарник Спайдера вышел из магазина в сопровождении высокого белого мужчины в ярко-голубом костюме. Возможно, администратор магазина.

– Пока, Спайдер, – сказал я. – Бывай.

Он пожал мне руку.

– Все будет в ажуре.

Будь Спайдер моим сыном, я бы смахнул с его губ и сигарету, и ухмылку, заставил его стоять ровно, не кривляться, как гангстер или сутенер. Но у меня не было права воспитывать его. Спайдер – естественное порождение квартала, в котором мы жили. Он сам себя воспитывал, и с этим мне следовало считаться.

Квартира Джексона Блю находилась на втором этаже дома номер 88. Это длинное двухэтажное строение со стенами из сухой штукатурки было настолько хрупким, что не составляло труда проделать в нем брешь с помощью оловянной ложки. Я миновал всего один лестничный марш, отыскал его дверь и громко постучал. Не спрашивайте меня, почему громко. Думаю, просто от злости.

Джексон Блю обладал блестящим умом и мог бы стать гением, не будь он чрезмерно трусливым и хвастливым. Если бы он смог запихать свою душу в сосуд, тут же продал бы ее за один только ужин, а то и вовсе за пятнадцать минут близости с потаскухой.

Бог, наверное, напился или спятил в ту ночь, когда лепил Джексона. Тощий, в отрепьях, боящийся собственной тени, он один из многих моих друзей никогда не покинет меня. Собственно, у него и нет никого, кроме меня.

Я продолжал стучаться, когда дверь внезапно открылась.

– Что ты, сука, разгрохался, мать твою разэтак?

Тот же Бог, который слепил Джексона Блю, взял за образец крокодила, когда лепил человека, представшего сейчас передо мной. Одного со мной роста, он стоял в трусах и хлопчатобумажных носках, набычившись, в боксерской позе, ссутулив плечи. Мышцы сжатых в кулаки рук не отличались силой, а грубая, дряблая кожа на груди морщинилась при малейшем движении корпуса.

– Джексон Блю дома? – спросил я довольно грубо. Улица научила меня еще одному: дашь слабину – получишь пинка.

– Кто его спрашивает?

Его глаза приобрели болотистый оттенок, я даже на расстоянии почувствовал гниlostное дыхание этого троглодита.

За спиной открывшего мне типа показался Джексон.

– А, Изи? Знакомься, это Ортиз.

– Пожалуй, можно считать, что мы уже познакомились.

– Заходи.

Малыш Джексон отодвинул крокодила в сторону. К моему удивлению, тот покорно отступил на несколько дюймов, что позволило мне войти в темную комнату, не уронив собственного достоинства.

Комната насквозь пропиталась запахом кофе, остатками еды и потом двух мужчин, которых целый месяц продержали в тюремной камере. Оба были почти голые, если не считать просторных бесформенных брюк. Ортиз внимательно смотрел на меня, а я пытался сделать вид, будто мне это безразлично.

На самом деле совсем не безразлично. Потому что, переступив порог этого холостяцкого логова, я подверг свою жизнь смертельной опасности. Складывалось впечатление, что у нового

приятеля Джексона открытая форма чахотки и, сгорая сам, он хочет увлечь с собой в могилу других.

– Что тебя привело ко мне, Изи? – Джексон непринужденно улыбнулся, сел, но мне не предложил. Ортиз захлопнул дверь и плюхнулся на стул.

Я слышал, что Джексон когда-то занимался букмекерством на скачках. Потом угодил в тюрьму за продажу краденых аккумуляторов. Выйдя на свободу, он тут же занялся лошадьми. Это меня удивило, потому что в данной сфере собственные главари и в конкурентах не нуждаются.

– Давненько не виделись, Блю, – начал я.

– Мужик, что тебе надо, мать твою, – вмешался Ортиз, вдруг востепенувшись, и быстро сунул руку в карман.

– Успокойся, – проговорил Джексон писклявым, жалостливым голоском. – Изи – мой друг. Он в порядке.

Джексон ухмыльнулся, что в данном случае намекало на его главенство, которого жаждут все тусовщики. Пробегав всю жизнь, поджав хвост, они горят желанием продемонстрировать силу при первом же удобном случае.

– Я думал, ты по-прежнему занимаешься букмекерством, – продолжал я. – Похоже, ошибся.

– Почему это ты вдруг засомневался?

– Ну, ты же сейчас дома, верно? А тебе почему-то никто не звонит.

Ортиз счел наш разговор достаточно смешным, кашлянул и вынул руку из кармана. Я понял, что практически не дышал.

– Звонят, да еще как, Изи, – похвастался Джексон. – Звонят!

Я оглядел насквозь провонявшую комнату. Мой взгляд остановился на телевизионной подставке в центре кофейного столика и бронзовой пепельнице, доверху заполненной окурками. Рядом стояла картонная коробочка с засохшими луковыми колечками, обсыпанными пеплом. Все это не вязалось с бриллиантовым кольцом на пальце Джексона и норковой шубкой, валявшейся на полу возле дивана.

– Совсем не похоже на роскошный пентхаус, Джексон.

– Нельзя позволять им догадаться, чем ты занимаешься, Изи. Этому я научился от тебя, братишка. Но у нас все, что нужно. У нас с этим полный порядок.

– С чем «с этим»?

Джексон направился было к двери, однако не дошел до нее. Приятель схватил его за руку.

– Что ты делаешь?! – заорал крокодил.

Джексон отмахнулся от него жестом смелого человека, приговаривая:

– Все в порядке, дружище. Изи – свой.

Он лишь вошел в другую комнату и тут же возвратился с деревянной коробкой темно-бордового цвета, примерно футом в длину и ширину и тремя четвертями в глубину. На одной из длинных сторон коробки имелась небольшая дверца с замком. Внутри находилось некое устройство, заменявшее телефонную трубку, соединенное с пучком тоненьких голубых и красных электрических проводов, батарейка и японский, новейший конструкции, транзисторный магнитофончик. Вся эта конструкция имела вполне солидный вид и никак не походила на самоделку. Вся жизнь Джексона шла через пень-колоду, кувырком, но если он за что-нибудь брался, то делал это превосходно.

– Что это такое?

– Забудь об этом! – вмешался Ортиз.

Я подумал, если бы мы с ним когда-нибудь оказались наедине в комнате, один из нас вскоре стал бы трупом.

Джексон оставил слова приятеля без внимания и пояснил:

– Это – букмекерский ящик, Изи. Ортизу, до того, как загудеть в тюрьму, довелось работать в телефонной компании. Он снабдил меня некоторыми номерами. Один из них я присвоил себе, а коробочку укрепил на телефонном столбе. Моим клиентам известен этот номер, и они звонят мне. Ортизу остается только залезать на столб и доставать магнитофонную пленку.

– А если коробку обнаружат? Или она растрескается?

– Не растрескается. Я крепко сколотил ее, по швам проложил резину.

Джексон такой затейник, вполне мог бы оказаться первым человеком, убитым на Луне.

– Ортиз собирает информацию, а я веду бухгалтерию. У нас двенадцать сотен постоянных клиентов и такая куча денег, которой подавился бы даже мул. А какие кошечки сюда приходят – закачаешься! – Джексон воздел руки кверху, словно поражаясь собственному рассказу. – Я приобрел себе новенький красный «кадди», он стоит внизу, у входа.

– Джексон, это может не понравиться белым ребятам.

– А как они узнают обо мне?

– Подслушают.

Джексон метнул быстрый взгляд на Ортиза. По его лицу пробежала усмешка, и я вдруг все понял. Джексон никогда не мог создать ничего долговечного, не мог удержаться на одном месте, постоянно менял работу и никогда подолгу не дружил с девушкой. И вот он встречается с этим психом, вместе они придумывают, как загребать по тысяче долларов в неделю, ничего не делая! Когда полиция или белые бандиты узнают об этом, они схватят Ортиза и, может быть, даже прикончат его. Ортизу нравится «малыш Джексон». Возможно, Джексон – первый, кто не пытался его надуть. Надуть? Дьявольщина! Джексон зарабатывал денег больше, чем Ортиз мог сосчитать. За мистера Блю он жизнь отдаст и никогда от него не откажется, а потом нырнет в какую-нибудь другую щель, не оставив даже двух даймов, чтобы положить на закрывшиеся очи своего друга.

Мне захотелось немедленно уйти. Я вскочил так резко, что напугал Ортиза. Он опять поспешно сунул руку в карман.

– Полегче, братишка. Просто мне пора уходить. Я зашел узнать кое-что об одном азартном игроке. – Сказав это, я тотчас же спохватился, а не постигнет ли Бетти та же судьба, что и этого опустившегося глупца.

– О ком именно? – заинтересовался Джексон.

– Его зовут Марлон Иди, кличка Блуто. Блуто, – повторил я, чтобы убедиться, что мне это не мерещится.

Джексон насторожился:

– Зачем он тебе понадобится?

– Не юли со мной, Джексон. Отвечай, знаешь его или не знаешь. Скажешь мне или нет. Так что давай решай, мне надо топтать дальше.

Ортиз начинал действовать мне на нервы, он весь напрягся, готовый в любую секунду выхватить пистолет. Джексон испугался – сработал инстинкт самосохранения. Ему не нравится, когда я начинаю злиться.

– Никогда не слышал о нем, – заявил он, – но мог бы попытаться узнать.

– Хорошо, – согласился я. – Возможно, именно так тебе и следует поступить.

Глава 4

По внешнему виду некоторых домов можно безошибочно сказать, что их обитателей привело в Лос-Анджелес желание воплотить мечты в реальность. Но дом – не место для мечтаний. Дома надо вести себя по образу и подобию отца и матери. Дом – это когда всем заведомо известно, чего от тебя следует ждать, и если ты, хотя бы чуть-чуть, нарушишь привычные нормы поведения, тебя поднимут на смех. Загонят в щель, где ты и останешься. Гнить. А через некоторое время либо свыкнешься, либо вылезешь.

Существует много способов вылезти из щели. Можно жениться, напиться, подкатиться к чужой жене. Можно взять дробовик и проглотить его вместо бутерброда в полночь.

Но можно переехать в Калифорнию.

В Калифорнии не станут смеяться ни над тобой, ни над кем-либо другим. В Калифорнии триста и более дней в году светит солнце. В Калифорнии можно работать до потери сознания. А когда придешь в себя, тебя будет ждать новая работа.

В Калифорнии можно раскрасить свой дом во все цвета радуги, а на парадной двери нарисовать смеющуюся рожицу. Прямо в своем дворике вы можете держать кроликов, разводить кур, ставить гранитные статуи животных, чтобы дети могли карабкаться на них. Можно, как это сделала Джорджетта Харрис, повесить на своей калитке объявление: «Звериные ясли для малюток». Никому до этого нет дела. Никто не спросит, где вы обучались воспитанию зверюшек. Вам поверят на слово. А если вдруг нагрянут представители власти и потребуют документы, вы просто поселитесь за милю от прежнего места, вывесите то же объявление и будете собирать зверюшек, как ворона собирает стеклышки.

Джорджетта сидела на крылечке и улыбалась, глядя на ребятишек. Рядом с ней на изящном черном столике стоял телефонный аппарат, который она вынесла из дома на удлиненном проводе.

Маленькие черные девочки и мальчики, не меньше дюжины в общей сложности, бегали по пыльному дворику, где расположился надувной бассейн, в который битком набилось шестеро визжавших от восторга ребятишек. Дети всегда бурно радуются жизни, пока не познают ее в полной мере.

Когда я вошел, шумное веселье мгновенно стихло. Дети застыли на месте и уставились на меня. У двоих были в кровь содраны коленки. Дети – вполне здоровые и жизнерадостные – с нетерпением ожидали, когда можно будет вернуться к играм. Готов биться об заклад, что потом они будут с огромным удовольствием вспоминать дни, проведенные во дворике миссис Харрис, где бегали с маленькими зверьками до того, как охотники пойдут по их следу.

– Изи! – воскликнула Джорджетта.

Я поприветствовал ее, но она вряд ли услышала меня. Дети восприняли ее обращение ко мне как разрешение снова ходить на голове и к оглушительному шуму, который даже мертвых разбудит.

Я поднялся на крылечко и поклонился. Второго стула там не оказалось, поэтому я просто прислонился к столбу.

– Тебе что-нибудь нужно, дорогой?

В общем-то, я не очень хорошо знал Джорджетту. Когда-то мы жили в одном микрорайоне, недалеко от Ваттса. Но я переселился с Джезусом и Физер в Западный Лос-Анджелес.

Я решил сменить место жительства вскоре после того, как от меня ушла жена. В прежнем доме поселился мой старый приятель Примо с семьей. А своих ребятишек я увез в незнакомое место, где меня никто не знал и не задавал болезненных вопросов о жене и родной дочери. Где никто бы не усомнился в законности моей опеки над Джезусом и Физер. Наша семья зиждилась

на взаимном согласии любить друг друга, быть нужными друг другу, а это совсем не тот союз, который может получить признание в суде.

Поэтому я уехал из Ваттса. Сначала купил дом в негритянском квартале, где селились семьи среднего достатка. Но позже денежные затруднения вынудили меня продать дом и снять квартиру на Женеzi.

Джорджетта жила на Маккинли между Восьмидесятой и Восемьдесят первой улицами. Она с детских лет, еще в Миннесоте, мечтала о частном детском садике.

Чтобы получить соответствующую лицензию, требовался диплом о специальном образовании, поэтому она поехала в Лос-Анджелес. Сыновья моего знакомого посещали садик Джорджетты, а я время от времени приглашал одного из них поиграть с Физер.

Мечта Джорджетты сбылась, но, как это часто случается, мечта сама по себе не способна возместить неизбежные расходы.

Большой черный телефонный аппарат брякнул, и Джорджетта быстро схватила трубку.

– Звереныши, – сказала она и, прикрыв рукой трубку, крикнула: – Лео, вылезай из этой грязи, мальчишка! О чем это вы? – спросила она в трубку. Потом что-то записала в блокноте и, опустив трубку на рычаг, обратилась ко мне: – Да, Изи?

Я оторопел. Ошалел от дикого крика и визга. Между тем женщина-букмекер продолжала сидеть с безмятежным видом. Все это выглядело так нелепо, что я забыл, зачем пришел.

– Мм... Ваши дела идут... э-э-э... неплохо?

– И что? – Джорджетта гадала, что мне нужно.

– Я, мм... э-э-э... – Я осекся, рассмеялся и сел на ступеньку, словно один из ее питомцев. – Прости, Джорджетта. Я поднялся сегодня в пять и уже обегал весь город. Побывал у тех, кто отнюдь не жаждет видеть меня. Встречался со скверными людьми и азартными игроками. – Я вспомнил наконец, зачем пришел. – И очень удивился, увидев этих прелестных ребятишек. Это так не вяжется с вашим прошлым занятием.

Джорджетта улыбнулась. Ей доставляло удовольствие, когда кто-нибудь заводил речь о ее детях. На некоторых атмосфера Калифорнии действует благотворно.

– Я разыскиваю парня по кличке Блуто.

Солнечные лучи слепили мне глаза, потому что в микрорайоне Джорджетты практически отсутствовали деревья.

Она покачала головой. Меня это не удивило. Неужели Марлон перестал наконец швырять деньги направо и налево?

– А как его настоящее имя?

– Марлон. Марлон Иди.

– О-о-о! Ты имеешь в виду Эда Салливана.

– Вы его знаете?

– Конечно, я знаю Марлона. Мы никогда не называли его Блуто. С ним произошел какой-то несчастный случай, в результате чего повредился шейный позвонок. Кажется, он говорил, что его так отделал какой-то коп. Сначала его прозвали Без-Шеи, а потом, когда начались эти спектакли, стали называть Эд Салливан. И он действительно походит на него. Да, детка, он делает у меня ставки начиная с 1946 года. М-м-м, хм. Марлон просадил денег больше, чем любой другой несчастный в этих краях. – Джорджетта посмотрела на детей, будто именно они заключают пари. Как знать? Возможно, когда они вырастут, тоже станут звонить своей старой няне, чтобы поставить пару долларов на какую-нибудь клячу.

– Вы знаете его сестру?

– Бетти? – Джорджетта задумалась. – Единственное, что я знаю, для него эта женщина – свет в окошке. Заведите с ним разговор о сестре, и он будет вам рассказывать о ней несколько дней кряду.

– Вы знаете ее?

– Ага. Марлон рассказывал, что она работает в каком-то богатом доме, в каньоне. И живет у них.

– Не знаете, где можно его найти?

– Нет, детка. Некоторое время он был вольнонаемным в доках военно-морского флота в Сан-Диего, но потом заболел, что-то с легкими, и не смог больше работать. Он переехал в пустыню, куда именно, не знаю.

Между тем в голове воспитательницы забрезжила какая-то мысль. Я ждал, когда она сформируется окончательно.

– Да! Да, совершенно верно, – сказала она наконец и окликнула какую-то девчушку: – Линда! Оставь в покое Дарлин! Она же сказала тебе, что не хочет играть! – Джорджетта пристально посмотрела на маленькую Линду, стоявшую, расставив ноги, над поверженной подружкой.

Когда девочка отошла, Джорджетта, не спуская с нее строгого взгляда, вернулась к нашему разговору:

– Относительно недавно в течение некоторого времени Марлон делал большие ставки у Терри Тайлера. Ребенком Терри ходил ко мне в группу.

– Это боксер Терри Т.?

– М-м-м... Он самый.

– Не знаете ли вы, где можно найти Терри?

– Нет. Ох, я не хожу на соревнования по боксу. А его родители представились, оба. Вы знаете, Марлон был для Терри вроде крестного отца. Он, бывало, всегда брал его с собой и часто забирал его у меня в конце дня.

Мне не хотелось уходить. Если бы Джорджетта предложила стакан молока и хрустящий крекер, я бы устроился где-нибудь в ее гостиной и вздремнул.

Но я не ребенок, и мне уже не полагается ни сладкого печенья, ни сладостных грез.

– Будьте здоровы, – пожелал я ей, заставив себя встать.

Маленький мальчик в комбинезоне, без рубашки, не отрываясь смотрел на меня. Совсем маленький. Я казался ему гигантом и наслаждался его благоговейным восторгом, осознавая, что в том, взрослом мире, в который мне предстоит снова окунуться, сразу утрачу величие и могущество.

Глава 5

Я катил по улице Манчестер к Ла-Синеге, потом вверх по Ла-Синеге к бульвару Венеция. Доехав до улицы Робертсона, повернул на север. Проехал мимо средней школы, где учился Джезус, и небольшого филиала лос-анджелесской публичной библиотеки.

Библиотека пустовала, по рабочим дням редко кто заходил туда. Библиотекаршу – милую женщину – звали мисс Этта. Прежде она жила на виноградниках к северу от Лос-Анджелеса, но во время Второй мировой войны ее семья оказалась в концентрационном лагере. Родители там и умерли. Она приехала после войны и стала работать в библиотеке. Однажды я помог ей избавиться от назойливого внимания некоего незнакомца по имени Чарльз Эмори.

В тот день я заехал в библиотеку за Джезусом, заметил, что она расстроена, и поинтересовался, что случилось. Она сказала, что к ней пристаёт мужчина. Возможно, она и не стала бы мне ничего рассказывать, но именно в тот момент Эмори находился в библиотеке, и ей показалось, что он опасен не только для нее, но и для Джезуса.

Как правило, Эмори появлялся, когда в библиотеке не было посетителей, и начинал вкрадчивым голосом повествовать о том, как расправлялся с японскими женщинами и детьми во время войны.

– Почему вы не обратитесь в полицию? – удивился я.

– О, нет! – воскликнула она. – Я никогда не связываюсь с полицией.

Возможно, именно поэтому я и решил помочь ей.

Несколько дней кряду я болтался возле библиотеки, дожидаясь, когда Эмори появится снова. Это был низкорослый плотный белый мужчина в новых спортивных джинсах, с высоко подвернутыми обшлагами и в белой рубашке. С лицом нерешительного, но подлого человека.

Я выследил, где он живет. Недалеко от «Нэшенал». Когда я убедился, что небольшой домик на бульваре Венеция действительно принадлежит ему, позвонил знакомому по имени Аламо Веир – белому сухопарому человеку преклонного возраста. Он был, что называется, тертый калач, который когда-то, когда я сидел в тюрьме по ложному обвинению, спас мне жизнь. За это я изредка давал ему возможность подзаработать.

Я досконально изучил Лос-Анджелес, чувствовал себя здесь как рыба в воде, что же касается квартала чернокожих, то его словно бы перенесли из южного Техаса или Луизианы. Когда мне приходилось работать среди белых, Аламо был просто незаменим, полоумный и, конечно, преступник. Он бы и ненавидел негров, но ему довелось участвовать в Первой мировой войне. Он понял, что все эти белые генералы и политики в равной степени не щадили и белых простаков, и чернокожих.

И был прав.

Я попросил Аламо основательно проверить Эмори, а сам все свободное время околачивался возле библиотеки.

Сначала решил припугнуть Эмори. Но потом передумал, потому что подобные вещи порой оборачиваются против тебя самого. И через неделю мы придумали лучший способ.

Эмори отслужил в армии и теперь занимался тем, что продавал краденое оружие. Держал у себя в гараже ружья М-1 и ручные гранаты.

Аламо завел с ним знакомство, пригласил в бар и тут же заказал ему партию ружей по семьдесят пять долларов за штуку. Я звякнул одному мужику в Вашингтоне, хотя и недолюбливал его. Он тотчас же вручил мне через своих агентов в Лос-Анджелесе две с половиной тысячи долларов, за что получил от меня адрес Эмори.

Я подготовил все необходимые сведения, и старший сотрудник ФБР Кракстон организовал ночной налет на этот дом.

Накануне я сказал мисс Этте, что она может не беспокоиться, больше никто не будет ей досаждать, а наутро зашел в библиотеку и показал ей сообщение в утреннем выпуске газеты «Экзаминер».

– Это о вашем типе.

С тех пор в библиотеке у меня появился друг. Любая информация вплоть до мельчайших подробностей всегда была к моим услугам. Мисс Этта полюбила меня, но совсем не так, как это принято у американцев. Если бы я упал и сломал себе шею, миниатюрная мисс Этта стала бы кормить меня с ложечки в собственном доме, даже если бы это продолжалось полсотни лет.

– Есть ли у мистера Иди телефон? – спросила мисс Этта.

– Возможно. Хотя сомнительно. Марлон – прижимистый малый. Даже платя за квартиру, он считал, что швыряет деньги на ветер.

– Ну, а что касается рода его занятий? Где он работал?

– Я толком не знаю, – отозвался я. – Слышал, одно время был вольнонаемным в доках военно-морского флота в Сан-Диего. Но ушел оттуда из-за болезни легких.

– Присядьте. Почитайте пока что-нибудь.

Мне хотелось чем-нибудь помочь ей, но она и слышать об этом не желала. Поэтому я сел за стол и, положив голову на руки, закрыл глаза.

Так я просидел довольно долго, в конце концов даже задремал. Мне снова привиделся Бруно, лежащий в дешевом гробу, с невинным и даже добродушным выражением на восковом лице. И лицо, и сложенные на груди руки вызывали в памяти муляжи фруктов. Я стоял позади его сестер – а у него их пятеро, – одетых во все черное и оплакивающих единственного брата. Они совершенно обезумели от горя, того и гляди, упадут.

Мне было невозможно видеть их горе.

Я слышал этот женский плач и во сне. Складывалось ощущение, будто меня опускают в могилу. Я постепенно погружался во тьму. Плач сменился громким криком. Я вдруг осознал, что кричу сам «Не опускайте меня вместе с ним! Подождите!»

– Мистер Роулинз! Мистер Роулинз!

Я открыл глаза и увидел перед собой мисс Этту, протягивающую мне клочок бумаги.

– Нашла. – Она улыбалась.

Улыбнулся и я, потому что она пробудила меня от кошмарного сна.

– Он живет в местечке Мекка, – сообщила она.

– Где?

– В местечке Мекка. Это возле национального монумента Дерево Джошуа. Не знаю, живет ли он в самом городке. Не думаю. Его индекс РФД.

– Как вам удалось разыскать?

– Я позвонила в военно-морскую часть в Сан-Диего, сказала, что наши письма к нему возвращаются за отсутствием адресата, а нам нужно связаться с ним. Мне сказали, что, если он уволился по болезни, мне следует обратиться в Вашингтон или в их страховую компанию «Пэтриот траст» в Сан-Диего. Я знаю, что Вашингтон можно запрашивать только по почте. Поэтому переговорила по телефону с любезной дамой из «Пэтриот».

– Гм. – Я, подобно почтенному господину, многозначительно кивнул. – Благодарю, мисс Этта.

У меня возникло страстное желание расцеловать эту маленькую женщину. Она, кажется, даже чуточку подалась в мою сторону. Но поцелуи в наших отношениях не подразумевались. Я пожал ей руку, отсалютовал по-военному и зашагал прочь.

В то время в Южной Калифорнии еще оставалось место под солнцем. Пустыню давно уже заселили уроженцы Калифорнии. Женщины и мужчины приезжали из пустыни на грузович-

ках, останавливались возле закусных, где за пять центов можно было пить сколько угодно кофе, или отправлялись в редкие оазисы, куда по трубам подавалась вода для полива финиковых пальм и сочных цветущих кактусов. Железнодорожные пути пролегали вдоль узкого шоссе, поезда летели с такой скоростью, будто выстреливали из ружья, появлялись и исчезали одинаково быстро.

Цивилизация тогда едва коснулась этих мест. Можно было ехать часами, не встретив никого и ничего на своем пути. Воздух был чист и прозрачен, питьевую воду можно было отыскать разве что в захваченных с собой сосудах. Все три я заново наполнил на единственной заправочной станции в Мекке.

Почтовая служащая не знала, где живет Марлон, но сообщила, что он получает корреспонденцию в универмаге, примерно в сорока милях отсюда.

– Однажды он обмолвился, – добавила щекастая белая женщина, – что живет в обычной мазанке. А мазанки находятся преимущественно в северной части. Если прямо по дороге, то у перекрестка и будет тот самый универмаг, куда поступает его корреспонденция до востребования. Ручаюсь, там знают, где живет мистер Иди. А если и не знают, вы можете задержаться там пару деньков, рано или поздно он непременно появится.

Она не шутила.

По обе стороны дороги, насколько хватало глаз, простиралась пустынная местность, сменявшаяся голыми холмами. Я опустил стекла на обеих дверцах машины и вылакал весь свой запас воды, не проехав и половины пути. По радио сообщили, что температура воздуха превысила сорок градусов. Мои светло-зеленые брюки стали темно-зелеными от пота. Пустыня сродни отъявленному преступнику, заточенному в тюрьме Сан-Квентин. Она – безрассудный убийца, лишенный малейших признаков милосердия.

И в то же время пустыня прекрасна. При беглом взгляде на нее этого не поймешь. Она проявляется в оттенках цвета. Желтый, темно-желтый и серый, подобно ясному, безоблачному небу спустя минуту после захода солнца. Фауна представлена преимущественно мелкими насекомыми с жесткими крыльями. У них, как правило, длинные лапки, благодаря которым туловище насекомого меньше страдает от пышущей жары, раскаленной земли, или огромные ярко-красные челюсти, чтобы не затеряться в этом гигантском для них мире. Раз в четыре или пять лет здесь идут дожди, и тогда образуется множество лужиц. Горбатые ракообразные креветки, достигшие пика эволюции еще до появления динозавров, вылупляются в грязи из твердых, как камень, яиц. Они случаются друг с другом и сразу погибают. Через неделю после этого пустыня расцветивается яркими красками, но, чтобы разглядеть их буйство, надо пригнуться к самой земле. Это разноцветные, окрашенные в яркие тона тонкие былинки, сухие на вид и жесткие на ощупь – пустыня немедленно высасывает из них влагу, подобно тому, как некое безумное божество высасывает души из детей, лишая их жизни.

Одолев тридцать семь миль, я добрался до универмага. Потемневшие от дождя деревянные стены магазина покосились, будто провисли внутрь под некогда ровной железной крышей, которая прогнулась и теперь походила на волну, готовую скатиться на фасад.

Единственная вывеска – круглый рекламный щит с надписью: «Кока-кола», красные буквы которого выпвели на солнце, став розовыми. Таких бензоколонок, как та, что примостилась у самого входа в универмаг, теперь нигде уже не увидишь, разве что в фильмах тридцатых годов.

Я вылез из машины, полагая, что из магазина выбежит встретить меня кто-нибудь из продавцов.

Не тут-то было.

А вокруг ни деревца, ни навеса от солнца. Я уж было решил, что внутри-то магазина непременно имеется кондиционер. Или вентилятор, ну, или, на худой конец, автомат с колой.

Я остановился у входа, засомневавшись, а магазин ли это вообще. Рекламный щит и бензозаправка очень старые. И никаких иных признаков того, что торговая точка функционирует. Возможно, магазин превратился в обычный жилой дом.

Я огляделся по сторонам. До самого горизонта простиралась безлюдная пустынная равнина. Тогда я постучал в дверь, сбитую из нескольких слоев досок, из-за чего мой стук вряд ли услышали за дверью. Он был подобен звуку торопливого поцелуя в темной прихожей при расставании поздним вечером.

– Входите, – услышал я полусонный голос.

Войдя, я увидел мужчину, полулежащего в кресле с откидной подставкой для ног. В углу несуразной комнаты, судя по всему гостиной, весело урчал холодильник. Неровные стены опоясывали ряды полок с выставленными на них бутылками, банками и прочими продуктами в фабричной упаковке. Возможно, конечно, это магазин, а возможно, и жилье непритязательного человека. Но как бы то ни было, полулежащий в кресле мужчина здесь явно хозяин. Одетый в боксерские шорты и водолазку, он поначалу показался мне высоким. Однако, как потом оказалось, это было заблуждением. Когда я переступил порог комнаты, он уже встал и направился к некоему странному сооружению у стены, похожему на подиум. Он остановился с другой стороны подиума, и стало ясно, что это стойка.

Я замер на месте, уверенный в том, что там он хранит пистолет или что-нибудь похлеще, и не хотел давать ему повод прибегнуть к оружию.

– День добрый, – поприветствовал я его слишком радостным для такой жары тоном.

Он даже улыбнулся, а, взглянув ему в глаза, похожие на яйца малиновки, я испугался куда больше, чем от перспективы быть убитым.

– Чем могу служить?

– Всего лишь дюжину банок колы, – просительным тоном напуганного маленького бродяги пробормотал я. – И как добраться по нужному мне адресу.

– Отпускаются три банки в одни руки, – объяснил он и кивнул в сторону небольшого морозильника.

Я подошел к морозильнику, поднял крышку и, хотя нервничал, с удовольствием ощутил хлынувший на меня холодок, немного потянул, вынимая банки с колой, лежавшие между бутербродами с ветчиной и початой бутылкой старого джина, закупоренного пробкой.

– Куда путь держишь, сынок?

Он, судя по акценту, явно южанин. Кроме того, это его выдавала вольность, с которой он отнесся к моему возрасту. Но не стоит забывать, что оказался я неизвестно где. Черная точка на белом фоне. Даже если быстро улизнуть от выстрела, нет смысла убивать белого человека за то, что тот унизил меня. Раньше мне приходилось убивать белых людей, но это совсем другое дело.

Он тем не менее был мне противен. Противен сам воздух этой комнаты, пропитанный запахом его пота.

– К Марлону Иди, – процедил я сквозь зубы.

– Черномазому? – Кривая ухмылка превратила его вытянутую физиономию в подобие зловещего полумесяца.

Я уже слишком давно не бывал на юге. Ненависть к этому человеку, видимо, поднялась из глубин души, где мы с детских лет учились ее прятать.

Жиденькая борода и усы, похожие на колючки шиповника, лишь дополняли издевательскую ухмылку.

– Ах, не пойми меня превратно, сынок. Здесь все так его называют. Ему это нравится. Меня, например, прозвали Тупоголовым. Согласись, наверное, приятнее носить кличку Черномазый, чем Тупоголовый.

Всею виной жара. Я попросту тупел от нее.

Если двинуться на него, он успеет меня застрелить. Но я действовал импульсивно. Бросился на него, опрокинув стойку, вырвал у него из рук обрез двухствольного дробовика. Он упал навзничь, ударившись спиной о доску с висящими на ней дрелями, отвертками и молотками. Тупоголовый попытался встать, но я прижал его грудь башмаком и давил до тех пор, пока он не перестал сопротивляться.

– Какого черта?!

– Лежи смирно, братан. – Я будто разговаривал с кем-то из моих соплеменников. – И говори, где я могу найти мистера Марлона Иди.

– Ты в замаске, парень, – пригрозил Тупоголовый.

Несмотря на то что сейчас хозяином положения был я, в душу мою закрался страх.

Я направил дуло обреза в его сторону и выстрелил, продырявив пол рядом с его головой. Лицо Тупоголового сделалось мертвенно-бледным. Он вскрикнул и попытался одним махом вскочить на ноги, зажимая уши руками. Я повернул ружье дулом назад и саданул его тяжелым прикладом по челюсти. К счастью, он оказался сообразительным, снова бросился на пол и затих. Если бы он опять попытался подняться, я бы огрел его еще раз.

– Лежать!

Тупоголовый съежился. Из рта у него сочилась кровь и слюна, из носа выступила слезь, из глаз градом покатались слезы. Это не доставило удовольствия. Беда ущемленных в правах людей заключается в том, что у них не хватает духу дать отпор, на который они способны. Я так круто обошелся с этим белым человеком потому, что испугался его. Если бы он еще раз назвал меня парнишкой или черномазым, я, пожалуй, начал бы ему поддакивать. Кстати, этот человек одержал надо мной верх, хотя и не догадывался об этом. Я перешел на южный диалект.

– Скажи, где можно найти Марлона Иди, и я оставлю тебя в покое.

Но он продолжал дрожать и кивать головой, не в силах вымолвить ни слова.

Я достал из морозильника бутылку с джином и протянул ему.

– Выпей.

Хотя он опрокинул ее надо ртом, большая часть содержимого расплескалась по лицу.

– Глотни еще раз.

Второй раз получилось лучше. Он, наверное, решил про себя, что пьет последний раз в жизни, немного приободрился и подтер сопли.

– Скажи, где я могу найти Марлона Иди.

– У дороги, которая ведет к нему, нет названия, – прохныкал он. – Третья налево, примерно в шести милях, в обратном направлении от дороги, по которой ты ехал сюда.

– Дай мне патроны для этой штуковины, – приказал я и заметил, что в его глазах застыл страх. – Возьму их с собой.

Он провел меня в небольшую комнату за поваленной стойкой – чулан с полкой, служившей кухней. На полке тостер, плита на две конфорки и тонкий ломтик белого хлеба, съездивший и засохший от жары. За тостером стояла почти полная коробка патронов. Он протянул ее мне.

– Почему ты нацелил на меня оружие, глупец? – Я трясся от злости на человека, который чуть не вынудил меня убить, и так взбеленился, что почел за лучшее убрать палец с курка. – Ты наставляешь ружье на каждого, кто заходит в твой магазин?

– Я решил, что ты хочешь меня ограбить.

– Ограбить тебя? Что тут грабить?

В отчаянии я махнул стволом над его головой. Тупоголовый мгновенно присел. Я вывел его наружу, подталкивая сзади, чтобы он не смог запомнить номер моей машины. Заставил его встать на колени, когда отвинчивал задний номерной знак. За его магазином был припаркован старый «студебеккер»-универсал, выкрашенный в желтый, как такси, цвет. Ключ находился в замке зажигания. Я вынул его, снял головку распределителя и рулевую баранку и заставил

Тупоголового положить все это в мой багажник. Вернувшись в дом, прихватил еще и телефонный аппарат.

– Ты не можешь оставить меня здесь без машины и телефона, – причитал он.

– Я поеду туда, где, по твоим словам, находится дом Марлона, и, если это действительно так, оставлю все это барахло у третьего поворота. А теперь садись и не двигайся с места, пока я не отъеду.

Мы оба были счастливы от того, что мне не пришлось его убивать.

Глава 6

Как только магазин исчез из вида в зеркале заднего обзора, я подумал: «А что, если кто-то из его друзей или клиентов повстречается с ним, когда он направится к этому повороту? Что, если он припрятал пистолет в этом месте и устроит мне засаду?».

Я отгонял от себя эти опасения. Конечно, определенный риск существует, но тут уж ничего не поделаешь. У меня обрез и пятнадцать патронов, и, если придется, я готов вступить в смертельную схватку.

Бедняки готовы к смерти в любую минуту. Нам постоянно кажется, что кто-то хочет нас прикончить. Вот почему я нисколько не сомневался, что белый человек при виде входящего к нему негра немедленно хватается за пистолет. Так уж заведено в Америке.

Дорога за третьим поворотом простиралась на много миль. С обеих сторон ее обступали заросли кактусов, которые, казалось, так и норовили ужалить прохожего своими колючками. Кое-где на обочинах попадались кучи камней, достигавшие порой двадцати пяти футов в высоту. Их появление в пустыне не поддавалось объяснению. Вряд ли их нагромодили люди. Просто нагромождение камней, которые, благодаря отбрасываемой ими тени, способны облегчить странствие по этой дороге.

Впрочем, меня сюда тоже никто не гнал.

Лачуга, представлявшая собой каркас, обтянутый сеткой для курятников, стояла на толстой цементной плите. Чтобы в нее войти, стоило лишь подняться на одну ступеньку. На двери красовалась бронзовая ручка от кухонного шкафа. Сначала я попробовал стучать, но дверная обивка поглощала звук. До окна же было не дотянуться, так что, в конце концов, я грохнул кулаком по стене и крикнул:

– Марлон! Марлон Иди!

Никто не отозвался. И вообще, вокруг царил мертвая тишина. В жаркое послеобеденное время в пустыне вся жизнь замирает, так что можно услышать, как в ушах стучит кровь. Струйки пота стекали по груди и ногам. Сердце щемило, кружилась голова. Кроме того, возможно, где-то у меня за спиной находится полоумный белый человек, идущий по моему следу.

Я вошел в лачугу Марлона, кляня себя за глупость. Это было небольшое, но опрятное и уютное жилище. Ничего экстравагантного. Некрашенный дощатый пол вымыт добела и без единой пылинки, что в пустыне, где песок проникает в самые узкие щели, выглядит совсем уж невероятно.

Вместо стульев – деревянные ящики, кровать – матрас, лежащий прямо на полу. На картонной коробке возле кровати – будильник. Тринадцать минут одиннадцатого. Утра или вечера – неизвестно.

И фотография Бетти в позолоченной овальной рамке. Судя по всему, недавний снимок, на котором она запечатлена в нарядном платье в цветочек, в студийном кресле у фотографа. Я вынул ее из рамки, спрятал в карман и продолжил осмотр.

Водопровода в доме не было. Раковиной служил большой медный таз. Вода в нем простояла никак не менее двух дней, поскольку в ней успела утонуть добрая дюжина сверчков и других насекомых.

На противоположной от кровати стороне комнаты находился единственный предмет, достойный называться мебелью. Комод из кедра, фанерованный мореным дубом, а на нем – настоящее зеркало высотой в четыре фута. Рядом с комодом привинчена вешалка с одеждой Марлона. Может быть, он и переживал тяжелые времена, но одевался по-прежнему вполне прилично. Я обнаружил не менее дюжины костюмов разных цветов и оттенков. Габардиновые,

шерстяные, блестящие синтетические и шелковые. И только два хлопчатобумажных костюма, предназначенные для жаркого климата. На крючках, вбитых прямо в толь, висели семь шляп.

В ящиках комода я обнаружил шелковые шейные платки, шелковые майки и даже шелковые трусы. В небольшой шкатулке для ювелирных изделий – рубиновые запонки, золотое кольцо с пятью бриллиантовыми камешками, серебряный зажим для денежных купюр с пачкой двухдолларовых бумажек (у каждой банкноты оторван уголок, чтобы отвратить неудачу) и набор массивных пряжек для ремня, без которых не обходится ни один настоящий техасец.

В других ящиках я обнаружил свитера и носки, пачку журналов с поблекшими черно-белыми фотографиями с полностью раздетыми черными манекенщицами. На самом дне ящика я нашел кипу писем от Бетти. Мне сделалось нехорошо от жары в этом доме. Возможно, Марлон уехал именно из-за этого. Здесь кому угодно чересчур жарко.

Возле картонной коробки валялись потертые рабочие брюки. Такие обычно носят дома. Сначала я подумал, что Марлон бросил их, когда переодевался перед уходом. Однако в заднем кармане брюк оказался его бумажник. Немного наличных. Всего восемь долларов и три пятидесятицентовика в отделении для мелочи. Правда, там еще лежал чек на пять тысяч долларов на его имя. Такую вещь не бросишь где попало.

Выйдя, я решил осмотреть лачугу с другой стороны.

И обнаружил будку из белой жести, а когда открыл дверь, откуда выскочила стая мышей, я ощутил отвратительный запах застоявшихся человеческих испражнений. Сиденье туалета заменяла алюминиевая воронка, расплюснутая по бокам, чтобы можно было садиться.

Я не испытал желания воспользоваться этим туалетом. Не только из-за отвратительной вони из отверстия, но и из-за загаженного стульчака. Впрочем, и пол был заляпан черными пятнами, высохшими под лучами яркого солнца, поскольку крыши в туалете не было. В углу за стульчаком виднелся жирный шлепок темной массы, в котором проглядывало что-то белое.

У меня подкосились ноги, и я невольно наклонился вперед. Если бы кто-нибудь увидел меня в этот момент, я бы оправдывался тем, что решил детально рассмотреть этот белый предмет. А в действительности я вдруг осознал, в какую неприятную историю влип.

Перочинным ножом я выковырнул зуб из запекшейся крови – коренной зуб, целехонький, с острыми корнями – и положил его на носовой платок. Зуб был настолько безупречен, что мог бы сойти за искусственный, а дантист мог бы использовать его в качестве образца. Но кто бы стал бросать искусственный зуб в туалете? И откуда кровь?

Как оказалось, на повороте меня никто не подкарауливал. Я остановился, чтобы, как обещал, положить на обочине дороги детали от автомобиля и телефонный аппарат Тупоголового. Оставил при себе лишь обрез и некоторые личные вещи Марлона – личные письма, кошелек и журнал с потускневшими фотографиями голых негритянок.

Глава 7

Домой я возвратился довольно поздно. Почти в семь часов. Солнце клонилось к закату, и дома вдоль улицы отбрасывали длинные тени. Я вырулил на подъездную дорожку, но не успел проехать лужайку, как навстречу выскочил человек. Я ударил по тормозам и выругался.

Это был высокий белый мужчина с длинными черными волосами, основательно тронутыми сединой, и густыми черными усами под стать густым, нависшим над глазами бровям. Демобилизованный офицер военно-воздушных сил Роджер, Счастливчик Горн.

Четырнадцать лет Горн управлял гарнизонной лавкой на военной авиабазе в Нортоне. А до этого на протяжении почти всей Второй мировой войны доставлял по воздуху снаряжение партизанам в тылы противника.

Счастливчик был выходцем из Калифорнии. Он и его жена Эйприл полюбили друг друга, еще учась в средней школе в Санта-Барбаре, а поженились за неделю до Черной пятницы и начала Великой депрессии.

У Счастливчика были глубоко посаженные, темные и тусклые глаза. Непроницаемые, как у религиозного фанатика. Я никогда не слышал, чтобы он злословил в чей-либо адрес. По воскресеньям мы нередко вместе посещали церковь на Олимпийском бульваре. Эйприл не реже раза в неделю пекла печенье для Физер и Джезуса, и для них всегда была открыта дверь ее дома, она врачевала их сбитые коленки, поила лимонадом, позволяла передохнуть у себя дома. Когда я уезжал, Горны – добропорядочные люди – присматривали за моими ребятами. Мне и в голову не приходило задумываться над тем, какой у них цвет кожи.

– Не возвращайся домой, Изи, – бросил он мне в открытое окно машины.

– Почему это?

– Пойдем ко мне на задний дворик. Я кое-что тебе покажу.

Мне никуда не хотелось идти, но мы – друзья и соседи. Поэтому пришлось идти за ссутулившимся бывшим летчиком по длинной подъездной дорожке в его задний дворик. Он то и дело оглядывался и подносил палец к губам, призывая меня молчать.

Мы не возводили забора между своими участками, просто посадили деревья и кустарники. Все малейшие просветы в этом живом ограждении закрывали буйно разросшиеся папоротники и жимолость. Свою сторону зеленой изгороди я подрезал. Мне нравилось, когда на участке много солнца. А Счастливчик позволил деревьям затенить подъездную дорожку, создавалось впечатление, будто вы идете по тропе в джунглях или по темному тоннелю.

На заднем дворике у зеленой изгороди нас поджидала ужасно взволнованная миссис Горн. Она буквально не находила себе места и, едва завидев меня, приложила палец к губам, чтобы я не изрек, по обыкновению, свое громогласное: «Ну, что скажем?»

Счастливчик с торжествующим видом отстранил худенькую жену в сторону и, осторожно раздвинув листья папоротника, молча предложил мне заглянуть в образовавшееся отверстие.

Несмотря на усталость, я улыбнулся при виде собственного дворика, представлявшего собой открытую лужайку, окруженную зеленой изгородью, подчеркивающей красоту роскошных красных и желтых роз. С моей точки зрения, дворик был просто великолепен, но не это заставило меня улыбнуться. Во дворике находились Джезус и Физер. Оба в купальниках, лежали на большом картонном ящике, который приспособили под лежак для загара. Из шланга рядом вырывались брызги воды. Всегда, когда я задерживался, Физер опасалась, что больше не увидит меня, и Джуйс придумывал что-нибудь такое, что могло бы ее отвлечь.

Джуйс лежит, закинув руки за голову и зажмурив глаза. Физер – в той же позе, в темных очках в ярко-белой оправе, которые мы купили ей в Диснейленде.

Глядя на них, я решил отныне стать более внимательным отцом. Зачем я ввязался в драку в пустыне с незнакомым белым человеком? Кроме меня ведь у них нет никого на свете, а я

транжирю время на ненужные и к тому же опасные дела, бросая моих замечательных детей и наш домашний рай.

Я уж было собрался идти домой, обнять моих ребятишек. «Позвоню мистеру Л-и-н-к-с-у, – думал я, – верну ему задаток, займусь поисками постоянной работы, которая позволит мне вести нормальный образ жизни».

Но я не успел осуществить это намерение. Счастливчик жестом остановил меня, побуждая остаться на месте.

– А солнце очень высоко, Джуйс? – спросила Физер и, так как мальчик ничего ей не ответил, толкнула его в бок. – А?

– Не знаю. По-моему, высоко. Уверен, ты не хочешь свалиться со своего места.

– Ну нет! – Физер так резко мотнула головой, что маленькие очки съехали ей на нос. Она была так очаровательна в этот момент, что я не заметил самого главного.

Джезус заговорил.

Джезус пощекотал Физер под мышкой. Она взвизгнула и принялась брыкаться, восклицая:

– Перестань! Прекрати!

– А, попалась! – весело хохотал Джезус. – Попалась!

Я впервые прослезился от счастья. Шатаюсь, отошел от изгороди. Счастливчик подхватил меня под руки, очевидно опасаясь, что я могу упасть. Возможно, и упал бы. Я мог не устоять на ногах, потому что в тот момент не верил законам природы.

– Он заговорил, – шепнула мне на ухо Эйприл.

Я готов был слушать эту фразу и тысячу раз.

Я поспешил домой и занялся ужином. Очень хотелось попросить Джезуса сказать что-нибудь, но я заставил себя сдержаться. Примерно через десять минут в дом влетела Физер, крича:

– Папа! Джуйс, папа вернулся!

Она вскарабкалась ко мне на колени, обняла меня и улыбнулась с такой любовью, на которую способны только дети. Я погладил ее по светлым, орехового цвета волосам и на мгновение вспомнил о дочери, которая живет где-то в штате Миссисипи. О дочери, которую я потерял.

Эдну, нашу единственную дочь, моя жена Регина увезла с собой в штат Миссисипи. Иногда я думал о том, что папой Эдна называет Дюпре Бушарда, который когда-то был моим другом. Если я слишком задумываюсь на эту тему, начинаю понимать, почему некоторые мужчины говорят, что их вынудили совершить убийство.

Вслед за Физер появился Джезус. Он взглянул на меня, и мое сердце замерло в ожидании. Он подошел к нам и обнял меня. Заглянул мне в глаза и так же молча улыбнулся, как, впрочем, всегда на протяжении многих лет.

– Подожди! – крикнул я и быстро повернулся к плите, словно там что-то подгорало. Возможно, стоило позволить ему увидеть мои слезы. Только люди, прошедшие мою жизненную школу, не плачут.

Я приготовил на ужин гамбургеры и салат из авокадо с помидорами, луком и чесноком. Ребятишки съели все до последней крошки и попросили добавки.

Физер подробно рассказала мне, как прошел день в школе. Как она разозлилась на какого-то маленького мальчика, который ее не любит, и как им показывали картинки с изображением больших лохматых слонов, а потом они сами их лепили.

Джезус кивал, улыбался, пожимал плечами в ответ на мои вопросы. Он занял первое место в соревнованиях по бегу между школами Гамильтон и Дорси.

До того, как он занялся бегом, у меня было много долгих и напряженных бесед с заместителем директора школы. Другие ребята поднимали его на смех, потому что он молчаливый

низкорослый мексиканец. Но, несмотря на свой рост, Джезус не ведал страха, никогда не сдавался, не боялся быть покалеченным, как не боялся вступить в единоборство сразу с несколькими мальчишками.

Его хотели перевести в специальную исправительную среднюю школу, но я запретил. Я бы скорее согласился держать его дома, чем позволил бы превратить его в какого-нибудь малолетнего преступника.

А потом тренер Марк выпустил его однажды на дистанцию в одну милю. И с разговорами о переводе в исправительную школу было покончено. В школе Гамильтон появилась «звезда», и ребяташки оставили его в покое – об этом позаботились.

Он стал моим сыном. Сыном по моему собственному желанию. Да, между нами нет кровного родства. Но он захотел жить со мной, а я пожелал жить с ним. Многие ли отцы и сыновья могут сказать то же самое?

Тем не менее меня уязвило то, что он не стал говорить со мной.

Джезус уже лег в кровать, устал после соревнований на длинной дистанции.

– Физер!

– Что?

Мы с ней сидели на диване в закутке с телевизором, смотрели передачи Доби Гиллис. Ей нравился Мейнард Г. Кребс, а мне нравилось наблюдать за уловками отца-скареды – владельца лавки, который твердо усвоил одну истину: как бы сильно ни желал человек обрести что-то в этом мире, обязательно найдется некто, желающий это у него отнять.

– Почему Джуйс не захотел говорить со мной? – спросил я.

– Папа, он разговаривает с тобой, просто не произносит слова вслух.

– Но почему?

– Потому что.

В это время на сцене появился Мейнард. Кто-то произнес слово «работа», и у него случился приступ истерии. Чтобы спросить ее опять, мне пришлось ждать рекламной заставки.

– Так почему, Физер?

– Что?

– Почему Джуйс не говорит со мной?

– Потому что ему не нравится говорить с тобой, папа, – просто и ясно объяснила она. – Но все в порядке, потому что он тоже любит тебя.

– Мне грустно оттого, что он не хочет ничего сказать мне вслух. – В глубине души я понимал, что не вправе ожидать от моей маленькой дочки рассудительности взрослого человека. Но так хочется, чтобы Джезус говорил со мной. С ним плохо обращались в младенческом возрасте, и мне хотелось, чтобы он забыл об этом, а я, наконец, услышал его голос.

Физер обхватила ручонкой мой большой палец, заставив меня взглянуть на нее.

– Папа, все в порядке. Просто он не может сделать этого сейчас.

С ее уст словно слетели мои собственные слова. Она соскочила на пол и обвила мою шею своими ручонками так, как это обычно делал я, когда она была чем-то расстроена и плакала.

– Пора спать, – объявил я, главным образом, для того, чтобы все помнили о заведенном в доме порядке.

На кофейном столике лежала старая фотография и более поздний снимок, расписание автобусов, испачканный в крови зуб и чек на пять тысяч долларов, выписанный Сарой Кларис Кейн из Беверли-Хиллз. Дата на чеке указывала на то, что он выписан две с половиной недели назад.

Я не обязан что-либо предпринимать. У меня нет ни перед кем никаких обязательств. Меня никто не обвинял ни в каком преступлении.

Вот тут я и вспомнил о Мартине Смите. Его похожую на арахис голову, огромные ручки с толстыми пальцами. Если бы не Мартин и Оделл, я бы погиб еще ребенком. С грязной холодной улицы они привели меня к себе домой, накормили и обогрели.

Я знал, что должен навестить Мартина до того, как он умрет. Обязан был это сделать.

Поэтому я решил отправиться к Мартину сразу же, как только разберусь с предметами, лежащими на моем столике.

Глава 8

Я проснулся в холодном поту. Бруно полулежал с открытыми глазами, прислонившись к двери мясной лавки. Он просил меня о помощи, а я ничем не мог ему помочь. Не мог покинуть укрытие за дверью. Он прерывисто дышал и произносил мое имя. Его смерть, как ни одна другая, произвела на меня неизгладимое впечатление. И тем не менее я не мог приблизиться к нему, а значит, и столкнуться с Крысой. Не мог.

Я высадил Физер возле школы на Бернсайде и поехал дальше. Сон не шел у меня из головы, да и предстоящая работа тоже не радовала, поэтому я решил заняться кое-какими собственными делами. А если удастся достать некоторую сумму денег, не придется искать человека, которому принадлежит найденный мною зуб.

Недалеко от Креншоу и Санта-Барбары я увидел здание из бетонных блоков с огромным рекламным щитом на крыше двенадцати футов высоты, сорока футов ширины и, по-видимому, предназначенный для более крупного сооружения. На желтом фоне красными буквами было написано: «Недвижимость эсквайер инкорпоретед».

Офис фирмы размещался в одной-единственной комнате с голым бетонным полом. Вся меблировка состояла из четырех металлических столбов, расставленных симметрично – по одному у середины каждой стены. Рени Стюарт сидела напротив двери. Ее сестра Кловис Макдональд – в дальнем конце комнаты.

– Что вам угодно? – спросила Рени так, словно никогда в жизни не видела меня.

Ее золотистые волосы были уложены локонами, кожа совершенно черная, а губы и нос, как ни странно, совсем как у белых. Худенькая Рени выглядела несчастной. Ее красные ногти имели неопрятный вид, темно-синее платье настолько прозрачное, что, если смотреть издали, можно было подумать, что она голая.

– Я хочу поговорить с Кловис.

Кловис прекрасно все слышала, но Рени вдруг вскочила.

– Я узнаю, свободна ли она.

Зад у Рени был абсолютно плоский, но она так им вертела, будто и впрямь было чем похвастать. Вихляющей походкой она подошла к столу Кловис и уперлась в него обеими руками так, словно, того и гляди, рухнет ниц от изнеможения.

– К тебе посетитель, – донеслось до моих ушей. И она жестом указала на меня.

Потом вернулась к своему столу, села и небрежно взглянула на меня снизу вверх.

– Можете пройти. – С этими словами она сняла трубку и стала набирать номер.

Кловис не поднялась поздороваться со мной. Даже не протянула руку.

– Здравствуйте, мистер Роулинз.

– Здравствуйте, Кло, – в свою очередь, поприветствовал я. – Вы планируете поставить здесь перегородку?

– Что?

– По крайней мере, Рени ведет себя так, будто не видит вас. Я решил, что вы заранее отработываете способ общения, когда все будет разделено перегородками.

Кловис не присущее чувство юмора – суровая жизнь не располагает к веселью. Невысокая полная женщина, с кожей цвета начищенной до блеска бронзы, уставилась на меня, как боксер, который только что нанес противнику удар в челюсть и ждет, когда тот рухнет к его ногам. Ее густые, как у мужчин, брови сходились на переносице, будто она зла на весь мир.

– Чем могу быть вам полезна, мистер Роулинз?

– Я пришел узнать, когда мы сможем переехать на Фридом-Плаза? Вы знаете, что у меня негусто с деньгами.

Кловис уставилась на меня так, словно я – не член этого инвестиционного консорциума, а бездомный бродяга.

Она приехала из Далласа, штат Техас, и после насильственной смерти Джерри Редда по кличке Зажимщик поселилась в Лос-Анджелесе. Мне никогда не доводилось бывать в этом штате. Похоже, Джерри пытался силой навязать свои симпатии к младшей сестре Кловис – Антуанетте. Однако Кловис убедила его отказаться от этой затеи с помощью двадцатидюймовой трубы, которую принесла с собой в сумке. Через три дня Джерри скончался, и, хотя судья квалифицировал ее действия как самозащиту, родня Редда жаждала смерти. Через двадцать пять минут после объявления решения судьи Кловис уже катила на автобусе в Лос-Анджелес. Это произошло в 1955 году.

Она приехала в Лос-Анджелес с шестьюдесятью пятью долларами в кармане, сняла комнату на Сто третьей улице и устроилась официанткой в закусочной без названия, которую облюбовали мы с Мофассом, моим жадным до денег агентом по недвижимости. Кловис всегда была подчеркнута любезна с нами, но особенно лебезила перед Мофассом, ведь он был босс, во всяком случае, так она считала. Мне нравилось делать вид, что домовладелец – Мофасс, а я всего лишь состою у него на службе. Таким образом, я получал денежки, а жалобами досаждали ему. И люди относились ко мне по-доброму, потому что я им просто нравился. Никто не пытался меня умаслить, то ли дело Мофасс. Кловис, бывало, с таким усердием намазывала ему хлеб маслом.

У него уже тогда были проблемы со здоровьем, он разбух до целых двухсот тридцати фунтов и страдал одышкой. В конце концов ему пришлось-таки расстаться с сигаретами, хотя эмфизема уже опутала густой сетью его легкие. Даже тогда он дышал с присвистом, похожим на звуки, издаваемые дрессированными дельфинами в Тихоокеанском парке.

Однажды Мофасс пожаловался, что домашней едой может насладиться разве что у Кло. В то время он снимал комнату на Спрюз, в противоположной от Кло стороне города. Она заявила, что ей доставит удовольствие иногда привозить ему на дом еду собственного приготовления.

– Солидные люди вроде вас не должны питаться консервами, а только домашней едой. Прямо с пылу с жару, – пояснила она, наклонившись над столом так низко, что в щелку между грудой виднелся ее живот.

Частое дыхание Мофасса сделалось прерывистым, я подумал, что он сейчас отдаст концы. Не прошло и трех месяцев, как они стали жить вместе, а еще через полгода с небольшим на свет появилась фирма «Недвижимость эсквайер», и Кловис развернула активный бизнес в Южном Лос-Анджелесе.

Казалось, она создана для занятия недвижимостью. Она уговорила группу рабочих среднего достатка инвестировать свои деньги в жилые дома. Приобретенной собственностью управляли они с Мофассом. Потом она занялась сделками с более состоятельными белыми домовладельцами, внушая белым клиентам, что более выгодно разместить их инвестиции в черных кварталах, поскольку у нее там глубокие корни и тамошние жители полностью ей доверяют.

За три года «Фридом траст» – группа негритянских инвесторов, интересы которых представляла фирма «Недвижимость эсквайер», – приобрела двенадцать зданий, а еще двадцать – независимые белые хозяева при посредничестве Кловис.

«Эсквайер» в какой-то степени все еще представляла и мои интересы, но Кловис это явно не доставляло удовольствия. Даже узнав, что собственность принадлежит мне, а не Мофассу, она продолжала относиться ко мне не иначе как к человеку, состоящему на службе у Мофасса.

- На Фридом-Плаза переезжать нельзя, – сообщила она.
- Простите, не понял.
- Нашу лицензию заморозили. Запретили там что-либо делать.
- А юристы на что?

Кловис скривила губы в кислой улыбке.

– Адвокат тут ничего сделать не сможет. У властей имеется постановление на этот счет. Мэрия решила построить на этом месте очистительную систему. – Говоря это, Кловис перебирала бумаги, всем своим видом желая дать понять, что слишком занята, чтобы тратить время на обсуждение уже решенных вопросов.

– Но ведь мы в свое время получили соответствующую лицензию, и отменять ее не имеют права. Не так ли?

«Фридом траст», когда Кловис затеяла его, показался мне делом стоящим. Все, к чему она прикасалась, превращалось в деньги. Я подкинул ей идею, вызвавшую у нее снисходительную улыбку.

Я владел солидной собственностью в Комптоне, и у меня была возможность приумножить ее. На средства «Фридом траста» Кловис купила облюбованный мною участок, а потом мы сообща разработали план строительства торгового центра под названием «Фридом-Плаза» с магазинами самообслуживания, хозтоваров и электроники. Кроме того, дюжину мелких лавок, принадлежащих чернокожим.

Мы подготовили техническую документацию, получили все необходимые разрешения. Я основательно влез в долги, чтобы оплатить свою долю проекта, ибо знал: чтобы заработать что-то, необходимо потратиться. Все казалось прекрасным до сегодняшнего утра. Дело продвигалось медленно, и это очень меня огорчало. Но мне и в голову не могло прийти, что лицензию аннулируют.

– Что будет с нашей собственностью, если они настоят на своем?

– Городские власти запретят наше строительство и возместят нам стоимость земли по ценам, существующим в данный момент.

– Но мы основательно потратились на разработку технической документации, налоги и выборы, – резонно заметил я. – Стоимость земли не покроет и половины израсходованных средств.

– Никто нас не заставлял рисковать, мистер Роулинз, – отрезала Кловис, словно речь шла о десятидолларовой ставке у Джорджетты. – Мы обязаны были раскошелиться на техническую документацию, на гонорар адвокату и административные расходы.

– Административные расходы? Вы считаете, что я должен платить вам за то, что по вашей вине пропали мои деньги?

– Вы владеете недвижимостью, мистер Роулинз. Если продадите парочку домов, сможете не только возместить долг фирме, но еще и останетесь с наличными.

– Что-о?! – Я подался вперед и в тот же момент услышал, как у меня за спиной отворилась дверь, а потом и тяжелую поступь нескольких мужчин. Мне не надо было оборачиваться, я и без того знал, что это были Тирон, Клавелл, Гровер и Фиттс – младшие братья Кловис. И догадался, что Рени звонила именно им. Они являлись на помощь по первому зову Кловис. Все четверо.

– Вы слышали, что я сказала, мистер Роулинз.

У меня зазвенело в ушах. Духота, царившая в комнате, обернулась ненавистью к ее обитателям.

– Я буду говорить об этом с Мофассом.

– Мофасс тут ни при чем, мистер Роулинз. Этой фирмой руковожу я. Со мной и будете разговаривать.

Я резко вскочил, опрокинув стул. Повернулся и, минуя четверку здоровых мужиков, направился к двери.

Горячий воздух Санта-Аны ударил мне в лицо, будто я наткнулся на стенку. Струйки пота стекали по ногам. Я подошел к багажнику своего «понтиака» 1956 года выпуска, где лежал обрез Тупоголового. Вогнал в стволы еще по два патрона. Двумя выстрелами можно ранить

всех, кто находится в комнате. После этого они заговорят по-другому. Я решил прихватить с собой коробку с патронами на случай, если придется перезарядить ружье. Но когда доставал ее из-за запасного колеса, обнаружил завалившуюся туда пищащую резиновую куколку Физер, которую она искала две недели. Бедняжка даже плакала о ней по ночам, мол, куколке страшно одной, и никто ее не покормит. Я представил, как обрадуется моей находке Физер, и мгновенно забыл о своем гневе.

– Роулинз. – Самодовольный голос принадлежал Фиттсу. Он стоял у капота машины.

Я выглянул из-за открытой дверцы багажника и любезно отозвался:

– Да?

– Просто хочу предупредить – отстань от моей сестры. И это не простая угроза, мать твою.

Фиттс был молод и достаточно силен. Но как ни старался нагнать на себя зверский вид, в моих глазах выглядел всего лишь ребенком.

Я положил ружье на место и захлопнул багажник.

– Тебе нет нужды беспокоиться обо мне. Если и беспокоиться кому-то, так это мне.

Фиттс не нашелся с ответом.

Я обошел мужчину с лицом ребенка и сел на водительское место. Фиттс пристально смотрел на меня через открытое окно дверцы. Лицо его выражало смущение. Он проследил за тем, как я выезжаю. Тем временем вышли его братья. Вместе они напоминали стаю волков или собак.

Я просто устал, размышляя об этом парне. Он не имеет ни малейшего представления о том, что происходит в мире. Он молод и силен, у него есть братья, с которыми он может вот так просто целыми днями слоняться без дела. И у него есть сестра, которая заботится о нем.

Я бы мог прикончить его. Запросто. Однажды кто-нибудь его непременно пришьет. Как Крыса пришил Бруно.

Я готов был убить и Кловис, но для этого не было оснований. Сам виноват. Она не виновата. Я прикоснулся к дверному молотку белого человека, и меня схватили за руку, вот и все. В детстве меня учили никогда не садиться в чужие сани. Я, осел, не усвоил этого урока. Теперь приходится расплачиваться за собственную глупость.

В глубине души я сознавал, что в этом мире невозможно стать честным бизнесменом. Мой удел – работать, работать с утра до вечера. Именно так я и работаю с самого детства. Чего только не делал за свою жизнь! Подметал улицы, был садовником, посыльным в универмаге. Брался за любую черную работу. Мне хотелось добиться успеха любым способом. Даже насильственным.

К счастью, склонность к насилию во мне не укоренилась. Всякий раз, вспоминая об этом, так и вижу мысленным взором Бруно и Крысу. А я вновь удивляюсь тому, как легко к нам приходит смерть.

В Техасе и Луизиане стрельба, поножовщина, драки в порядке вещей. Там безоружный человек может задушить вас голыми руками. Женщины умирают при родах, мужчины тонут, вылавливая бревна или выполняя непозволительную для людей работу. На каждом шагу сифилис, пневмония и туберкулез.

А потом грянула Вторая мировая война. Люди гибли миллионами. И в собственных домах, и на пустынных заснеженных просторах. В Европе построили гигантские фабрики смерти. В Европе заставляли копать могилу самому себе перед тем, как пустить тебе пулю в затылок.

В отдельные дни, находясь в Европе, я видел больше мертвых, чем живых. В одном польском городе наткнулся на ров размером шесть на шесть, который был почти целиком заполнен трупами младенцев, не проживших на свете и года.

Но все это время я лелеял надежду. Надежду на то, что придет время, когда я обрету место, где смерть больше не будет преследовать меня. Я не думал, конечно, что люди когда-нибудь перестанут умирать. Смерть неизбежна. Но не такая бессмысленная смерть, когда люди гробят друг друга от скуки или из-за придуманных ими детских игр.

Когда погиб Бруно, я осознал, что всегда жил в обстановке насилия и безумия, сталкивался с этим на каждом шагу. Читал на невинном лице Фиттса и в болезненном взгляде Тупоголового. И даже ощущал в себе самом. Мой гнев искал выхода, и, чтобы сдержаться, я крепче сжимал кулаки.

Но он нарастал со страшной силой.

Глава 9

Дорога на север была монотонной и скучной. Бесконечные вереницы одноэтажных домов изредка перемежались зданиями учреждений и пальмовыми деревьями. Воздух пропитан густым туманом, почему все вокруг кажется подернутым серой дымкой, и только у самой кромки горизонт окрашен в янтарный цвет. Вдыхая глубоко, я чувствовал острую боль в легких. Мне предстояло позаботиться еще об одном, прежде чем я займусь делом Сола Линкса.

Для Лос-Анджелеса характерна разновидность местности и отсутствие каких-либо специфических особенностей. Здесь всем найдется место. Правда, полиция может арестовать вас за неосторожный переход улицы или за то, что вы утратили контроль над собой и в подпитии начали куражиться. Но если вам надо спрятаться от властей и законов, лучшего места, чем Лос-Анджелес, не найти. В планировке города никакой логики. А народу – тьма-тьмущая. Сезонные сельхозработники, девушки, мечтающие об артистической карьере, мексиканцы и страховые агенты – все устремлялись сюда в надежде вкусить вожаемых плодов денежного древа и через несколько лет вернуться домой богатым человеком. Но деньги ускользали у них между пальцев, а легкая жизнь тянула на дно.

В Лос-Анджелесе я подъехал к старой автобусной станции, припарковался на противоположной стороне улицы и заглушил мотор. В машине было жарко, хотя и терпимо.

«Солнце способно испепелить меня», – радостно подумал я и даже закурил сигарету, чтобы взбодриться.

Выкурив «Кэмел», я откинулся за рулем и на мгновение закрыл глаза.

Независимо от того, куда стремился увлечь меня мой разум, душа возвращалась назад, в проулок за баром Джона.

Бруно, свалившийся у двери мясной лавки, затих. Из груди продолжала сочиться кровь, в горле у него булькало. Из одной ноздри то надувался, то опадал кровавый пузырь. Кровь текла по проулку к моим босым ногам. Я не хотел выпачкать ноги, запятнать себя кровью убитого.

Потом опять появился Крыса. Он шагнул прямо в кровавую лужу и наклонился, чтобы лучше разглядеть Бруно. Мгновение прислушивался к прерывистому дыханию, потом вытащил из-за пояса пистолет и нацелил его в глаз Бруно. Таким же манером несколько лет назад он убил Джоппи Шега.

Прогремел выстрел, и я, вздрогнув, проснулся. На другой стороне улицы распахнулись стеклянные двери автовокзала, и оттуда вышел Раймонд Александер – Крыса, одетый точно так же, как в тот злополучный день, когда убил Бруно Ингрема, в тот же серебристый костюм и серые полуботинки. Та же темно-дымчатая рубашка и шляпа с узкими полями. На большинство людей тюрьма накладывает неизгладимый отпечаток, они выходят оттуда совсем другими. Но Крыса не из их числа. Он сохранил бы безукоризненный вкус и выглядел модно даже после пятидесятилетней отсидки.

Единственная перемена в его внешности, насколько я мог заметить на расстоянии, состояла в том, что теперь у него были тоненькие, словно нарисованные карандашом, усики. Однако иногда Крыса их сбрасывал.

– Эй! – Я помахал из окна машины.

В руках у него была потрепанная зеленая сумка. Почти пустая. В тюрьме не дают подарков, во всяком случае, таких, которые хотелось бы взять с собой.

Невероятно возбужденный, он вскочил на переднее сиденье.

– Изи, дай мне твой пистолет.

– Что?

– Пара мужиков в автобусе, мать их, стали задирались. Они насмехались надо мной, Изи. Я мог бы образумить любого другого человека, даже самого отпетого убийцу. Я мог бы сказать, что на вокзале полно полицейских, и они снова засадят его в тюрьму. Но Крысу не образумишь. Он, как язычник, должен был отметить свое освобождение кровопусканием.

– Прости, старик, – сказал я, подумав об обрете в моем багажнике. – Я с собой ничего не взял.

– Ты разгуливаешь без пушки?

– А зачем она мне нужна?

– Если тебе понадобится кого-то пришить, вот зачем.

Я умолк и стал заводить мотор.

Прежде чем я возобновил беседу, несколько минут мы ехали молча.

– Как идут дела, Раймонд? – спросил я для начала.

– А как ты думаешь? Они запихнули меня в камеру, как хрюка с оравой других поросят. Заставили носить форменную одежду. Есть всякое дерьмо. И каждый сукин сын там считал, что может соваться ко мне, потому что я небольшого роста.

Я представил себе тяжелые последствия подобных заблуждений его сокамерников. Крыса был невелик ростом. Я мог бы схватить его и отбросить на несколько метров от себя. Но он – убийца. Если ему выпадал шанс выколоть вам глаз или перерезать сухожилие, он, не задумываясь, делал это.

Он рассказал мне однажды, что шериф на востоке штата Техас задержал его за бродяжничество.

– Ты слышал когда-нибудь такую чушь! – воскликнул Крыса. – Бродяжничество! Я объяснил ему, что ищу работу!

Но шериф скрутил ему руки за спиной, надел наручники и отвел в каталажку. Вечером, когда в участке никого не было, шериф пришел к нему в камеру.

– Он собирался прибить меня, – продолжал Крыса. – Сбивал с ног, поднимал и бил снова. Я понимал, что должен что-то придумать, поэтому, когда он саданул меня первый раз, я сделал вид, что потерял сознание. – Крыса закатил глаза, как при обмороке, и упал ничком прямо на улице.

Я подхватил его, желая поднять, но он укусил меня! Укусил как раз в большую мышцу плеча.

Крыса обвил руками мою шею и захихикал в самое ухо.

– Ха-ха-ха. То же самое я проделал с ним, старина. Он наклонился и слегка схватил меня. Но у меня выработан рефлекс. Я не стал кусать его за руку. Ни-ни. – Крыса показал свои здоровые зубы. – Я вонзил зубы ему в горло.

Он перегрыз горло шерифу и забрал у него ключи. Я мысленно представил себе, как он подходит к раковине и смывает кровь с лица и одежды. Об этом он мне ничего не рассказывал, но я знаю Крысу лучше, чем мог бы знать брата, которого у меня не было. Он был для меня больше чем друг – он был моим спасителем. А меня приходилось спасать не один раз.

И он был темной личностью, более темной просто невозможно себе представить.

– Я собираюсь кое-кого убить, Изи, – заявил он.

– Кого же?

– Пока не знаю. Но мне известно, что кто-то донес на меня копам, кто-то, кто был в баре у Джона, когда я пришил Бруно. Он поплатится за эту подлость.

В тот день после убийства Бруно Ингрема полицейские поджидали Раймонда у него дома. Вот почему сейчас на нем была та же самая одежда. Им было известно, кто убил, и они устроили

засаду в его доме. У него обнаружили и пистолет убийцы. Ясно, что его подставили. Кстати, если бы он узнал, что я стоял в дверях и все видел, то, скорее всего, жертвой стал бы я.

– Кого же ты собираешься убивать, если не знаешь точно, кто это сделал? Ты же не знаешь, верно?

– Не знаю. Но я помню, кто был в баре. Ты и Джон, и трое других: Малкольм Ривз, Клинтон Дэвис и Мелвин Квик. – Он, словно в трансе, перечислил фамилии.

– Но каким образом ты узнаешь, кто именно это сделал?

– Если не узнаю, порешу всех троих. Так или иначе, я доберусь до того, кто это сделал.

* * *

Бывшая жена Крысы Этта-Маэ жила в городе Комптон в небольшом белом домике, окруженном лимонной рощицей. Этот одноэтажный домик стоял на высоком фундаменте, выложенном в форме шахматной доски зелеными сланцевыми плитами. Просторный неухоженный двор зарос высокой травой, над которой возвышалась верхушка проржавевшей горки, напоминавшей Этте о детских годах их сына Лемарка. Посередине двора росла дикая яблоня, покрывшаяся голубовато-белым грибком. Вокруг гибнущего дерева был разбит огород, на котором зрели баклажаны, ломкая фасоль и мясистые помидоры. Этта любила, чтобы в доме было красиво и уютно, но не гнушалась и черной работой. Еще подростком, когда ей едва исполнилось шестнадцать лет, она ухаживала за прикованной к постели бабушкой так долго, что несчастная старушка возненавидела ее.

Этта-Маэ находилась во дворе, когда мы подъехали к ее одинокому домику.

Я всегда был рад случаю повидаться с ней. Роден наверняка пригласил бы ее позировать, если бы сам был негром и жил в южных штатах. Она была по-мужски крупная и сильная и в то же время женственная – необычайно женственная. Лицо ее, хотя и не красивое, было очаровательным. Ее внешность и осанку вполне можно назвать благородными.

Сейчас на ней было простое домашнее ситцевое платье.

– Изи, – приветливо сказала она, когда мы с Крысой подошли к забору, но я чувствовал, что все ее внимание сосредоточено на нем.

– Эй, Этта. Дом выглядит отлично. Ты что, покрасила его?

– Я начну возвращать тебе долг, как только получу закладные за дом, – сообщила она, обращаясь ко мне.

Я кивнул. Меня это мало волновало. Одна из причин моего банкротства заключалась в том, что я раздавал деньги друзьям, у которых их было меньше, чем у меня. Это своеобразная страховка для бедняка: давай, когда ты при бедняках, и надейся, что они этого не забудут и вернут тебе долг, когда сам окажешься в нужде.

– Эй, Этта! – опять окликнул ее Крыса. Его ухмылка походила на сдерживаемую улыбку.

– Что?

Если бы они только знали, что сейчас я готов провалиться сквозь землю. Крыса, распрямляя плечи, тисился казаться более стройным, расплывался в улыбке. И тут я впервые заметил, что Раймонд стареет. Это было заметно по паутине морщинок вокруг глаз, которые особенно отчетливо выделялись, когда он ухмылялся.

В отличие от него Этта не проявляла своих чувств. Но ее молчаливость и торжественность свидетельствовали лишь о том, что она всю жизнь думала только об этом человеке. Он глубоко запал ей в сердце. Крыса однажды поведал мне, что его привлекало в Этте. Как он тогда выразился: «Она – страстная женщина». Я видел сейчас, как в ней бурлит эта страсть.

Трудно представить, что произошло бы, если бы дверь дома вдруг не отворилась.

– Ламарк. – Этта не отрывала взгляда от Крысы.

Он хохотнул и воскликнул:

– Ламарк!

Я обернулся и увидел, как по лестнице спускается скромный юноша в зеленой фермерской одежде. Он унаследовал от матери широкую кость и цвет кожи. Юноша выглядел угрюмым, молча поклонился, когда подошел к нам. Но Раймонд, словно не замечая скованности Ламарка, порывисто обнял его за шею и громко произнес:

– Я скучал по тебе, сын. Тосковал.

Не выпуская парня из объятий, он повернул его лицом ко мне и объявил:

– Это мой сын.

И в этом нетрудно было убедиться, видя их рядом. В глазах Ламарка светилась нежность, свойственная детям. Крыса был лишен возможности видеть, как растет сын.

Этта дотронулась до моей руки:

– Останься на ужин, детка.

– Нет, Этта. У меня дела. Да и вообще, вам лучше побыть вдвоем.

Она не стала меня уговаривать. Я пожал руку Ламарку. Ему исполнилось двенадцать, и он хотел, чтобы с ним обращались как со взрослым.

Я уже почти подошел к своей машине, когда Крыса завопил:

– Изи!

И побежал ко мне. На его лице сияла широкая улыбка.

– Спасибо, старина. Знаешь, я ожесточился там. Там пытаются принизить нашего брата.

Я улыбнулся.

– Ничего, старина. Мы же друзья, верно?

– Да, конечно. – Серые тусклые глаза Крысы стали холодными, хотя он и продолжал улыбаться.

«У Джона» – гласила вывеска.

– Эй, привет, – бросил я.

– Изи.

Я знал Джона уже больше двадцати пяти лет, еще с Техаса от «говори потише» до законного владения баром в Лос-Анджелесе.

– Крысы нет.

– Да?

– Он разыскивает людей, которые были здесь в тот вечер. Думает, один из них указал на него. Тут находились трое.

– Мелвин, Квик, – начал было я, но он прервал меня:

– Я знаю, кто тут был, Изи.

– Ну, может быть, ты шепнешь им, чтобы залегли где-нибудь на время.

– Ага.

– А я тем временем попытаюсь утрясти все это.

– Лучше, если кто-то что-то предпримет. Я не хочу попасть в беду из-за Крысы.

Мы оба знали, что Крыса не успокоится просто потому, что те трое от него спрячутся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.